

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 13

1985

ЗАКЛИНАТЕЛЬ ЗМЕЙ

РАССКАЗЫ
ИНДИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 13

ЗАКЛИНАТЕЛЬ ЗМЕЙ

Рассказы индийских писателей

Переводы с хинди В. Чернышева

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1985

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Сборник объединяет новеллы четырех современных прогрессивных писателей Индии, которые представляют одну из наиболее крупных индийских литератур — литературу на языке хинди.

БХИШАМ САХНИ (род. 1915 г.) известен как новеллист и романист. Им издано 8 сборников рассказов, ряд повестей и романов. За роман «Тьма» удостоен премии Литературной академии Индии. С 1975 года — генеральный секретарь Федерации прогрессивных писателей Индии. Принимает активное участие в движении солидарности писателей Азии и Африки. Много делает для популяризации в Индии русской классической и современной советской литературы. Перевел на хинди роман Л. Толстого «Воскресение», ряд повестей Чингиза Айтматова. Бхишам Сахни — лауреат международной премии «Логос» и премии имени Джавахарлала Неру.

АМРИТРАЙ (род. в 1921 г.) — известный прозаик. Внимание читательской общественности Индии привлекли его романы «Семя», «Джунгли», «Дым», посвященные изображению современной индийской действительности. Амритрай — мастер «сатирического цеха», один из зачинателей политического романа в индийской литературе. Активно пропагандирует в Индии достижения советской и прогрессивной западной литературы. Перу Амритрая, в частности, принадлежит первый перевод на хинди романа Н. Островского «Как закалялась сталь».

ШИВПРАСАД СИНХ (род. в 1929 г.) — один из наиболее видных представителей современной «деревенской прозы» на хинди. Известность и популярность среди читателей Шивпрасад Синх получил своими рассказами, объединенными в 5 сборниках, и романом «Преисподняя», в которых изображена жизнь современной индийской деревни с присущими ей социальными контрастами и этнографическим колоритом

РАДЖЕНДРА ЯДАВ (род. в 1929 г.) — один из крупнейших мастеров слова хинди. Его творчество (романы, повести, рассказы) наряду с произведениями Бхишама Сахни, Мохана Рахеша, Пханишварнатха Рену, Камалешвара и других выдающихся прозаиков до сих пор во многом определяет лицо современной литературы хинди. С его крупномасштабного произведения «Люди, вырванные с корнем» берет начало жанр политического романа в индийской литературе. Раджендра Ядав известен также и как переводчик русской классической литературы. В частности, он перевел на хинди роман Лермонтова «Герой нашего времени», ряд произведений Чехова и Тургенева.

ГНЕВ ВСЕВЫШНЕГО

Выбивая из чилама¹ пепел, Джанану еще раз взглянул на небо, плотно затянутое тяжелыми тучами, ронявшими редкие капли дождя. Только бы ночью не выпал град... Нельзя больше медлить — надо завтра же приступить к жатве.

Джанану торопливо прошептал имя бога и коснулся рукой священного серебряного амулета, висевшего у него на шее: «Смилуйся и сохрани, всевышний...»

Участок Джанану находился на самом склоне горы.

Владения Джанану трудно было даже назвать полем — разрозненные клочки земли, которые располагались один над другим, террасами, как ступени лестницы. Участок Джанану робко жался к скалам, далеко от деревни.

Это был глухой гористый район округа Кангра², затерявшийся где-то неподалеку от дороги из Кохара в Нальшет, которая, извиваясь, как тонкая змейка, круто поднималась вверх, опоясывая склоны высоких гор, заросшие густым лесом.

Все поля деревни были уже убраны, и сейчас крестьяне готовились к традиционному «мела» — празднику в честь окончания жатвы. Для каждого местного жителя этот праздник был тем же, что для путешественника — прибытие к заветной цели в конце долгого и тяжелого странствия. В первый же день после окончания жатвы все население деревни, следуя за нарядным паланкином, в котором находилось каменное изваяние бога — покровителя деревни, отправлялось на праздник в большое соседнее селение, где находился храм главного бога — хранителя урожая. Целый день в храме совершалось торжественное богослужение, и весь его пол был устлан, словно золотистым ковром, толстым слоем зерна, принесенного в дар божеству. Целый день на улицах деревни шумела праздничная толпа, звучала веселая музыка, а к вечеру изрядно подгулявшие крестьяне с песнями возвращались домой и водворяли каменного покровителя деревни на прежнее место — в алтаре местного храма.

¹ Чилам — прямая, без изгибов глиняная трубка для курения табака, конец которой зажимается в руке, а дым втягивается через сложенную трубкой ладонь. (Здесь и далее примечания переводчика.)

² Кангра — местность в штате Химачал Прадеш.

Джанану, напрягая все силы, еле-еле успевал убрать урожай лишь к самому концу праздника. Его земля, расположенная на северном склоне горы, была почти лишена солнца. Если поля его односельчан, раскинувшиеся по широкому склону на юге, с избытком впитывали в себя тепло и свет, то на поле Джанану скупые солнечные лучи попадали лишь на восходе и на закате, и к началу сезона дождей урожай на его участке еще не успевал созреть. Поэтому с наступлением месяца джетх¹ Джанану терял покой, и в то время как его односельчане уже готовились к празднику, он со страхом и надеждой поглядывал на небо и молил всевышнего уберечь его поле от дождя и града.

Рассеянно вода рукой по грубому сукну жилетки, Джанану переносился мыслью в ту счастливую пору своей жизни, когда он после долгих колебаний решил приобрести этот клочок земли. Будто вновь ощутил он прикосновение нежных рук своей Уттами; склонив голову ему на плечо, она уговаривала его купить этот участок.

— Ты не бойся,— убеждала она.— Ведь теперь ты не один — нас двое. Я сама буду работать за двоих.

— Уж очень разбросан этот участок, Уттами,— отвечал ей тогда Джанану, ласково поглаживая ее руку.— С ног собьешься, пока его весь обработаешь.

— Я ведь сильная: с тремя кувшинами воды на голове могу подняться на гору. Все буду делать сама.

Он хотел возражать, но она прерывала его и, снизу вверх глядя в его лицо своими большими лучистыми глазами, продолжала, ласкаясь, ворковать:

— Там нас с тобой никто не увидит. Когда захотим — поработаем, когда захотим — отдохнем. Ведь туда ни один человек из деревни не заглядывает... Продадим наш домик и на эти деньги купим землю.

И Джанану наконец сдался: продал полученный им в наследство домик и купил участок.

Это случилось спустя два месяца с того дня, как Уттами молодой хозяйкой вошла в дом Джанану; жену свою он взял издалека, из местечка Байджнатх, отделенного от его деревни семью грядями высоких холмов. Родителям невесты Джанану уплатил целых двести пятьдесят рупий выкупа, но об этом он нисколько не жалел: вместе с Уттами в дом Джанану словно вошло само счастье. Казалось, вся Уттами излучала светлую радость; перекапывала ли она поле или, набрав хворосту, возвращалась из лесу с тяжелой вязанкой на голове — ни на минуту не умолкали ее шутки и веселый смех.

Так незаметно, в неусыпных заботах о своем Джанану и о своем поле, она стала матерью двоих детей...

¹ Джетх (Джьештх) — название месяца индийского календаря, соответствующего маю — июню; первый месяц сезона дождей.

Но теперь Уттами уже с ним не было. С тех пор, как она умерла, прошла целая вечность — уже восемь лет Джанаку не чувствовал на своем плече прикосновения ее нежных рук...

Оторвавшись от воспоминаний, Джанаку поднял глаза и увидел перед собой намбардара¹, высокого, крепко сложенного мужчину с белым тюрбаном на голове и золотыми серьгами в ушах. Вся осанка намбардара выражала чувство собственного достоинства. Когда он внушительно обращался к кому-нибудь из односельчан, две поперечные складки, собиравшиеся над переносицей, придавали его лицу глубокомысленное выражение. Коснувшись рукой амулета на шее, Джанаку быстро встал.

— Твоя земля начинает сползать, Джанаку, а ты спокойно покуливаешь чилам,— строго проговорил намбардар.— Но останется земля или смоеет ее, налог все равно придется платить, предупреждаю тебя заранее.

И, не дав Джанаку даже собраться с мыслями, намбардар повернулся и степенно зашагал к деревне.

Джанаку ощутил внезапную слабость в ногах и невольно опустил на порог своей хижины. Больше всего он боялся, как бы не выпал град и не уничтожил его густо зеленеющее еще не созревшими колосьями поле; ему даже и в голову не приходило, что возможен оползень. Но ведь в жизни чаще всего бывает именно так: обрушивается как раз та опора, которую человек считает самой прочной.

Услыдав голос намбардара, оба малыша — дети Джанаку выскочили на крыльцо и с удивлением уставились на отца. Они никак не могли понять, что случилось с их отцом; ведь намбардар даже не кричал на него, а спокойно сказал ему несколько слов. У старшего, едва он услышал про оползень, сразу же загорелись глазки: ему очень хотелось посмотреть на это увлекательное зрелище — как сползает земля, но при виде отца, безмолвно и скорбно застывшего на пороге, он удивленно положил палец в рот и промолчал.

Медленно поднявшись на ноги, Джанаку подошел к огораживавшей двор невысокой стене, в углублении которой стояла маленькая фигурка божества, и, поднеся ко лбу молитвенно сложенные руки, прошептал: «Смилуйся и сохрани, всевышний!» Затем он несколько раз подряд коснулся головой основания ниши.

С тех пор, как умерла Уттами, Джанаку стал бояться божества. В смерти любимой жены он усмотрел первый признак гнева небес. Он понял, что бог не только всемогущ, но и беспощаден в своем гневе. Джанаку познал, что все находится в руках всевышнего: жизнь или смерть человека, дождь или град на его поля...

¹ Намбардар — деревенский староста.

Тогда-то он и поместил в стенной нише каменное изваяние Шивалинги¹ высотой в целый локоть, поставил рядом деревянные сандалии бога и маленький жестяной трезубец — его непремненное оружие, а над нишей укрепил на палке светло-малиновую тряпицу — стяг всемогущего. Всякий раз, проходя мимо ниши, Джанаку смиренно склонял голову перед изваянием, а если находился далеко от дома, то, усаживаясь или вставая, всякий раз касался рукой серебряного амулета с изображением бога Шивы.

В округе Кангра у каждой деревни, которая обычно располагается где-нибудь у подножия горы, есть свой бог-покровитель, каменные изваяния установлены не только на вершинах гор, господствующих над местностью, откуда божеству была бы видна жизнь всех обитателей деревни, но и в сельских храмах и в нишах-молельнях около каждого дома. Джанаку не только по праздникам поднимался на вершину — поклониться установленному там каменному изваянию, — но и часто посещал храм в селении и несколько раз в день со смиренно сложенными руками останавливался перед домашней молельней.

Торопливо закончив молитву, Джанаку побегал к своему полю.

Когда он достиг участка, уже смеркалось. С рваным шерстяным одеялом на плечах, перепоясанный старым кушаком, в грязной островерхой шапчонке и босиком, понуро стоял Джанаку на краю своего поля, маленького темного пятнышка на фоне высоких угрюмых гор.

В сезон дождей с гор часто срываются огромные камни, ураганный ветер валит вековые деревья и на склонах, а ливень размывает поля и дороги, поэтому оползни здесь случаются нередко.

Осмотрев поле, Джанаку облегченно вздохнул: земля никуда не ползла, только грядка самой нижней террасы чуть изогнулась ломаной дугой. Однако это было легко исправить. Опасность надвигалась не отсюда, не снизу, а с противоположной стороны; там, где крутой склон переходил в относительно ровную площадку, как раз у верхней границы его земли, образовалась глубокая промоина, которая, спускаясь вниз, огибала его участок. Мутная дождевая вода с тихим журчанием катилась вниз, расширяя и углубляя промоину. Если промоину не заделать вовремя, она распространится дальше, и тогда земля неудержимо поползет по склону. Джанаку и раньше замечал эту канавку, но не придавал ей значения. Теперь же она, как рука убийцы, тянулась к самому горлу его участка.

Джанаку повернулся и побегал к деревне. Сейчас еще возможно закидать промоину камнями и приостановить ее опасный рост. Если намбардар даст ему несколько человек, они в короткий срок заполнят ров. В крайнем случае можно будет отвести поток в какое-нибудь другое русло.

¹ Шива-линга — символическое изображение бога Шивы в форме фаллоса.

Помещение панчаята¹ находилось на другом конце деревни, и когда Джанаку, запыхавшись, добрался туда, он застал там в сборе почти всех наиболее уважаемых людей селения; не зажигая огня, они ждали намбардара и в сгущающихся сумерках неторопливо обсуждали приготовления к предстоящему празднику.

— Люди добрые,— еле переводя дыхание и уже на пороге низко кланяясь односельчанам, заговорил Джанаку,— моей земле грозит оползень! Если вы поможете, то еще можно ее спасти!

Деревенский писарь медленно поднял на него глаза. Не дожидаясь расспросов, Джанаку торопливо рассказал, в чем дело.

Некоторое время все молчали.

— Завтра ведь праздник, Джанаку,— наконец, солидно откашлявшись, проговорил лавочник,— скоро в храме начнется богослужение. Кто же сейчас согласится пойти с тобой?

— Если вы не поможете, то пропадет моя земля! — взмолился Джанаку.

Тогда, покачивая головою в такт словам, размеренно заговорил писарь, который слыл очень верующим человеком:

— Кто может остановить сползающую землю, Джанаку, да еще в самый разгар дождей? Несомненно, на тебя пал гнев всевышнего. Так кто же и чем поможет тебе? Вот в прошлом году твой буйвол подох прямо на пашне. Разве буйвол подохнет в поле, если его хозяин не прогневал чем-нибудь всевышнего? А потом — у людей поля уже давным-давно сжаты, у тебя же стоят еще совсем зеленые, разве у хороших хозяев так бывает?

Лавочник, угодливо поддакивавший писарю отечески посоветовал:

— Сначала, Джанаку, надо умиловать всевышнего, и тогда с полем все уладится само собой. По-моему, тебе прежде всего надо принести жертву и кровью козла искупить свой грех. Тем более что завтра праздник.

— Где же мне взять деньги, чтобы купить козла? — срывающимся голосом, почти плача, спросил Джанаку.

Никто ему не ответил. Сумерки все сгущались, и заправились селения, сидевшие по углам, казались какими-то темными бесформенными пятнами. В наступившей тишине был отчетливо слышен шорох по крыше да унылое завывание ветра в пазах.

Узнав, что все его несчастья вызваны гневом всевышнего, Джанаку так испугался, что у него на теле проступил холодный пот: случилось именно то, чего он страшился всего больше,— всевышний опять на него разгневался. Надвигающаяся ночь вызвала в нем ужас.

— Ступай на свое поле,— нарушил тишину скрипучий голос

¹ Панчаят — совет деревенской общины или касты.

писаря, — да обратись к всевышнему с молитвой от чистого сердца — быть может, он и окажет тебе милость...

— Одними молитвами делу не поможешь, — резко возразил писарю Харишчанд, подрядчик. — Земля у Джанану начинает сползать; если сейчас еще можно спасти ее, то завтра будет уже поздно — от поля не останется и следа. Это все пустые разговоры... Твоя земля, Джанану, лежит как раз около дороги, что находится в ведении лесного департамента, и помочь тебе должны только его люди. Сейчас же иди к лесничему. Он государственный чиновник. Если сумеешь убедить его, рабочие лесничества за одну ночь возведут настоящую плотину. Другого выхода я не вижу. Ступай сейчас же, не медли.

Суждения Харишчанда — это было всем хорошо известно — стали резко расходиться с мнениями писаря с того самого времени, как Харишчанд сделался управляющим у крупного подрядчика и по его поручениям стал ездить даже в такой город, как Амритсар, о котором местные жители знали только понаслышке. С тех пор Харишчанд держался совершенно независимо и по всякому поводу вступал с писарем в спор, чем и заслужил его лютую ненависть.

Но, как бы там ни было, Джанану дали хотя бы дельный совет. В душе у него затеплилась слабая надежда, что лесничий согласится помочь и его земля будет спасена...

Джанану молча вышел и быстрым шагом направился к дому лесничего; рядом шагал Харишчанд, который — назло писарю — вышел проводить его до первого переулка.

— Бог — на небесах, чиновник — на земле, — сказал Харишчанд на прощание, — поэтому сначала обратись к чиновнику — он ближе...

Когда Джанану начал с трудом взбираться по скользкой тропинке в гору, недавняя уверенность оставила его. На повороте тропинка разветвлялась; одно ее ответвление круто заворачивало влево и вело к домику лесничего, а другое, убегая прямо и вверх, заканчивалось на вершине горы, где находилось каменное изваяние божества-покровителя. Джанану остановился в нерешительности. А что если сначала пасть к ногам всемогущего бога и только после этого идти к лесничему? Если бы он догадался раньше задобрить всевышнего! Совершил бы вовремя щедрое жертвоприношение, заказал брахманам молитву, угодил их как следует — и ничего подобного с ним не случилось бы.

Джанану казалось, что он избежит несчастья, если сейчас же взберется на гору и положит к стопам божества свою единственную драгоценность — серебряную серьгу, которую он носил в ухе. Однако при мысли о сползающей земле ноги его сами собой направились к дому лесничего: на подъем и спуск с горы потребуется несколько часов, лесничий за это время ляжет спать — и тогда все придется отложить до утра.

Не зная, на что решиться, Джанану в смятении присел на камень, лежащий у развилки. Слова писаря вновь прозвучали у него в ушах:

«...Обратись к всевышнему с молитвой от чистого сердца...»

А писарь знает, что говорит, и верит в милость бога недаром: раньше не было у писаря детей, но только стоило ему принести в жертву всевышнему живого козла — и на следующий же год жена родила ему сына.

Страх, смятение, желание во что бы то ни стало спасти свое поле — вот какие чувства терзали сейчас Джанаку; он готов был заплакать, не хватало дыхания. Никогда еще Джанаку не чувствовал себя таким одиноким и беспомощным!..

Наконец мысль о гибнущем поле заставила его релиться: вскочил на ноги и ухватившись обеими руками за амулет, как утопающий за соломинку, Джанаку поспешил к домику лесничего.

Ему пришлось долго стучаться, пока дверь наконец не открылась и на пороге, еле держась на ногах, с фонарем в руке, не показался сам лесничий Шамдас, младший чиновник лесного департамента; как видно, он уже успел изрядно перехватить крепкой местной настойки.

— Лесничий-сахиб, — молитвенно сложив руки и низко кланяясь, обратился к нему Джанаку, — рядом с моим полем образовалась глубокая промоина. Если ее не заделать, весь участок погибнет!

В свои слова Джанаку постарался вложить всю силу убеждения, на какую только был способен: он боялся, как бы лесничий сразу же не ответил отказом.

— Кто ты? — лесничий поднял фонарь, стараясь рассмотреть его лицо.

— Это я, хузур¹!

— Ах, это ты, Джанаку... Ну, так что у тебя случилось?

Джанаку, не отнимая от груди молитвенно сложенных рук, повторил свои слова.

Несмотря на хмель, туманивший ему рассудок, лесничий сразу же понял всю опасность положения. Если земля Джанаку сползет, то дорога, находящаяся в его, лесничего, ведении, тоже будет серьезно повреждена. Однако, ничего не сказав в ответ на мольбу крестьянина, лесничий продолжал стоять в дверях, покачиваясь и тупо глядя на Джанаку.

— Помогите, махарадж², — кланяясь, продолжал Джанаку, — беда свалилась на мою голову — не отворачивайтесь от меня! На небе — бог, а на земле только вы — защита бедняку!

Так, почти в точности повторив дрожащим голосом слова Харишчанда, Джанаку замолчал, с надеждой и мольбой глядя в лицо лесничего. Однако взгляд чиновника, подобно взору всевышнего, всегда полон загадки, и никто не может точно сказать, что за ним таится.

¹ Хузур — почтительное обращение к высокопоставленному лицу.

² Махарадж — государь, здесь почтительное обращение.

— Ведь дорога проходит у самого поля,— смиренно продолжал Джанаку,— если моя земля сползет, то и дороге тоже не удержаться...

Джанаку поклонился еще раз и коснулся рукой колена лесничего. Шамдас сердито отдернул ногу.

Джанаку знал, что на лесничего могла оказать воздействие лишь одна вещь, которая, к сожалению, давным-давно уже не водилась в дырявых карманах Джанаку. С тех пор, как Джанаку обеднел, от него навсегда ушло то, что своим серебряным звоном или тихим шелестом способен умиловать и чиновника и самого бога.

— Будьте отцом родным! — не получая ответа, со слезами взмолился Джанаку, униженно припадая к ногам лесничего.— Ведь дети Уттами умрут с голоду!

При одном упоминании имени Уттами лицо лесничего неожиданно стало хмурым и злым. Когда-то и сам Шамдас засматривался на красавицу жену Джанаку. Все в деревне знали, что лесничий неравнодушен к Уттами. Однако Уттами гордо отвергла настойчивые домогательства Шамдаса да вдобавок еще высмеяла его перед всей деревней. Как она смела пренебречь им, когда всякая другая женщина на ее месте с радостью приняла бы его ухаживания!

— Я служу в лесном департаменте, Джанаку,— резко ответил лесничий, не глядя на Джанаку,— и не имею никакого отношения к крестьянским полям... Тебе надо идти к своим односельчанам и у них просить помощи.

Ответ лесничего, словно удар обухом, оглушил Джанаку. Все помутилось у него в голове...

Да, как видно, он совершил роковую ошибку. Если бы он взобрался на вершину и обратился с мольбой к всевышнему, тот, конечно, сжалился бы над ним. Ведь по одному мановению его десницы стихают страшные ураганы и разрушающиеся горы вновь поднимают к небу свои гордые вершины...

Услышав ответ лесничего, Джанаку, уже не сдерживая слезы, медленно повернулся и, шатаясь, как пьяный, побрел по тропинке вниз.

Но потом произошло то, чего Джанаку так и не мог понять; словно яркая молния разорвала свинцовый мрак ночи: не успел еще Джанаку сделать и нескольких шагов, как сзади послышался голос лесничего, заставивший его вздрогнуть:

— Подожди, Джанаку, куда ты спешишь?.. Я погорячился... У меня тоже есть сердце... И голова на плечах... Если нынче сползет твоя земля, то завтра и от моей дороги ничего не останется, и еще не известно, кто из нас понесет от этого больший ущерб... Ты сейчас же ступай на свой участок, а я захвачу рабочих и через полчаса приду туда же.

Всевышний ли внял его мольбе или просто-напросто лесничий решил ему помочь? Конечно, это всевышний склонил свой благо-

склонный слух к молитве Джанаку! Ведь не успел еще Джанаку о нем вспомнить, как лесничий неожиданно сменил гнев на милость. Конечно, это всевышний приказал чиновнику! Бог внял смиренной мольбе своего раба.

Джанаку не имел склонности предаваться религиозным размышлениям, предпочитая им простую физическую работу, когда за него думали его крепкие руки с узловатыми пальцами, не знаящие усталости в труде. Однако сейчас его охватил священный трепет, будто он воочию увидел чудо, совершенное ради него небесами. Он сразу почувствовал облегчение, словно чья-то могущественная рука сняла с его плеч непосильное бремя и наполнила его уставшее тело новой силой.

В порыве беспредельной благодарности Джанаку припал к ногам лесничего, потом быстро вскочил и почти бегом устремился к своей хижине. По-прежнему лениво накрапывал дождь, ночной мрак сгустился, и кругом не было слышно ни единого звука, кроме неумолчного шороха дождевых капель.

Добежав до своего двора, Джанаку в темноте ощупью добрался до ниши, где стояло каменное изваяние Шивы; трясущимися руками он вынул из уха серьгу и с трепетом положил ее к стопам божества, несколько раз низко ему поклонился, держа у лба молитвенно сложенные руки. Затем вошел в хижину и зажег светильник.

Оба малыша, прижавшись друг к другу, крепко спали. Младшая Гопи, как две капли воды похожая на покойную мать, унаследовавшая от нее и стройную фигуру и бледный цвет лица, свернулась калачиком, подтянув коленки к самой груди и уткнувшись головой брату под мышку. На ее порозовевших губах играла счастливая улыбка. Лежавший рядом с ней Сома, которому шел уже десятый год, походил на отца: то же коренастое тело, те же широкий рот и узкий разрез глаз. Раскинувшись на постели, он беспокойно ворочался во сне.

Джанаку осторожно тронул сына за плечо. Когда Сома, протирая глаза, быстро приподнялся, Джанаку молча взял его за руку и провел в заднюю пристройку.

Усадив сына прямо на земляном полу, отец опустил перед ним на короточки. При слабом неровном свете фитиля, плававшего в глиняной плошке, Сома спросонья ничего не видел, кроме черных теней, колебавшихся на стене.

Джанаку торопливо снял с шеи амулет, молча надел на сына и нежно погладил его по голове: Джанаку вручал мальчика милости и покровительству всевышнего.

Трясущимися губами отец говорил ребенку какие-то слова, но смысла их Сома не понял. Потом отец быстро встал и молча вышел из хижины. Сома, припав к окну, смотрел вслед удаляющемуся темному силуэту до тех пор, пока слышались чавкающие звуки под торопливыми шагами отца. Потом, потушив светильник и в потемках добравшись

до постели, мальчик снова растянулся рядом с мирно посапывающей сестрой.

Когда Джанану подошел к своему участку, лесничий уже находился там и, держа в руках яркий электрический фонарь, объяснял пришедшим с ним шестерым рабочим, что нужно делать. Взглянув на промоину, Шамдас сразу же понял, что ее легко будет заделать, и остался этим очень доволен. За много лет своей работы он справился с сотнями таких промоин. Однако для Джанану она представлялась настоящей пропастью.

Прежде всего лесничий, водя лучом фонаря по угрожаемому участку, объяснил, что снизу, там, где нижняя грядка начала прогибаться, надо укрепить террасу широкой каменной стенкой, а саму промоину, чтобы не дать ей разрастаться дальше, перегородить в нескольких местах легкими перемычками из камней, скрепленных глиной. Вверху же, над верхней террасой, что находится у самой дороги, необходимо отвести поток воды в сторону от участка Джанану...

Джанану, не спуская глаз с лесничего, благодарно кивал головой в такт его словам. Голос лесничего звучал резко и грубо, но Джанану внимал ему, как звукам священного гонга: он наполнял его сердце радостью и уверенностью в успехе.

Джанану и двоим рабочим лесничий поручил заделывать промоину, а сам с двумя другими рабочими направился вверх к дороге. Остальные рабочие принялись за опорную стенку нижней террасы.

Джанану, несмотря на усталость, с жаром взялся за дело. Камни для перемычек приходилось таскать снизу. Уставшие, словно налитые свинцом ноги много раз скользили и разъезжались, когда он спускался вниз. Но каждый шаг, сделанный ради спасения его участка, словно давал ему услышать, как все ровнее и спокойнее бьется сердце его земли.

Джанану, целиком поглощенный работой, потерял счет времени, он не мог сказать, сколько часов они трудились и когда закончили свою работу. Молча, как заводные, скользя и падая, спускались они один за другим вниз и, взвалив камни на онемевшие спины, хрипло дыша, карабкались вверх. Вниз... вверх... вниз... вверх... Джанану не заметил, как перестал дождь и как, шумя в вершинах деревьев, подул холодный предутренний ветер, от которого, казалось, даже окружающие горы забко передернули плечами.

Не чувствуя от усталости ни рук, ни ног, Джанану, обливаясь потом, работал, как автомат, а в его воспаленном мозгу билась только одна мысль: «Моя земля будет спасена!»

На востоке уже затеплилась узкая полоска зари, когда Джанану наконец распрянул онемевшую спину. Промоина в нескольких местах уже была перехвачена каменными перемычками, но вода, по-

прежнему журча, перекачивалась через них. Все вокруг в сумраке рассвета, тускло поблескивая зеркалами лужиц, превратилось в топкое болото, и его поле, покрытое изжелта-зелеными колосьями, почти ничем не отличалось от обступавшей его со всех сторон топи, но Джанаку меньше всего занимало, как выглядит его поле. Главное — земля была спасена, значит, он скоро вновь соберет с нее золотое зерно, много зерна. Земля не сползла, грядка нижней террасы выдержала, и сейчас, наверно, рядом с ней уже возведена крепкая опорная стена. Конечно, все террасы и широкие земляные грядки, разделяющие их, размокли и превратились в жидкую грязь, но это уже нетрудно поправить. Только наверху, видимо, пока не удавалось отвести поток в другую сторону: вода по-прежнему мутным каскадом стекала вниз.

Рабочие уже ушли, а Джанаку все еще осматривал свое спасенное поле и проделанную за ночь работу.

Вдруг сверху донесся какой-то странный звук, глухой и рокочущий, как раскат грома. Не успел еще он сообразить, в чем дело, как огромный кусок, оторвавшись от отвесной скалы прямо напротив поля Джанаку, медленно покатился вниз. Джанаку в страхе метнулся в сторону. Однако, не докатившись до его поля, камень почему-то остановился. Чтобы выяснить причину, Джанаку крикнул лесничего. Ответа не было. Полагая, что лесничий не услышал, Джанаку сам полез вверх, хрипло дыша и скользя на подкашивающихся от усталости ногах. В холодном свете наступающего утра четко проступили очертания всех предметов вокруг.

Когда Джанаку добрался до дороги, он не поверил своим глазам, и сердце его испуганно сжалось: дорога была разрушена, а поперек ее наискось проходила глубокая, с неровными краями трещина в несколько шагов шириной, словно злобно оскаленная пасть горы с гнилыми, почерневшими зубами. Трещина проходила как раз над его участком. Именно она и задержала обломок скалы. Он грузно завалился в нее, преградив путь воде. Мутные ручейки стекали сюда и постепенно заполняли этот неожиданно образовавшийся водоем. Широко открытыми глазами глядя на хищно ощеренную пасть горы с застрявшим в ней обломком скалы, Джанаку задрожал всем телом: ведь еще немного — и скопившиеся массы воды, волоча комок глины и камни, хлынут на его участок, и от зеленеющего поля не останется и следа!

Что было мочи Джанаку закричал, призывая на помощь лесничего, но ему откликнулось лишь гулкое эхо. Джанаку понял, что лесничего здесь нет, он ушел подальше от этого страшного места, сделав вид, что ничего не случилось: уж кому-кому, а лесничему оно сулило верное обогатение. Ведь для того, чтобы исправить дорогу, здесь придется возводить настоящий мост; работами, конечно, будет руководить он сам, и рупии, нежно звеня, серебряной струйкой потекут в его карман.

Несмотря на смертельную усталость, Джанаку еще мог работать —

он не хотел заживо погибать. Он был всего лишь крестьянин, который любил землю неистребимой любовью; для него гибель его участка и урожая была равносильна смерти. В поле, чуть ниже трещины, ему были отчетливо видны желтеющие стебельки, понуро склонившиеся почти до самой земли... Надо скорей спасать хотя бы то, что еще возможно спасти, чтобы его детям зимой не пришлось умирать с голоду!

Цепляясь за камни, Джанаку быстро спустился вниз и, как обезумевший, принялся рвать колосья пшеницы. Стебли растений, с безжизненно поникшими головками, были холодны, как застывший труп.

Со стороны деревни донеслась громкая музыка барабанов и труб; она, нарушив утреннее безмолвие, созывала всех крестьян на праздник урожая. Услышав эти звуки, Джанаку беспомощно опустился в грязь; слабыми движениями рук он все еще пытался сдвинуть камень, придавивший несколько колосков пшеницы. Камень был невелик, но Джанаку никак не мог одолеть его. Он чувствовал себя скованным смертельным ужасом, как в страшном сне, и звуки, доносившиеся из деревни, никак не могли пробудить его.

Через некоторое время на дороге, ведущей в соседнюю деревню, показалась праздничная процессия. В середине четыре человека торжественно несли богато украшенный паланкин, где восседало каменное изваяние божества, а спереди и сзади, оглашая воздух звуками труб и барабанов, с песнями и плясками весело двигалась оживленная толпа крестьян. В задних рядах вместе с остальными деревенскими ребятишками в своих жалких перепачканных лохмотьях бежали Сома и Гопи.

Напротив своего поля они на минуту задержались, отыскивая глазами отца. Джанаку, неподвижно застывшему около камня посреди поля, показалось, что позади малышей стоит их мать, его Уттами, и манит его рукой, зовет к себе...

Потом эта картина скрылась у него из глаз, как бы скатившись куда-то вниз, — упав на спину, Джанаку теперь видел перед собой лишь вершину горы, на которой находилось каменное изваяние грозного божества; вся вершина горы была обложена плотными черными облаками. Иногда тучи, двигаясь сплошной массой, целиком закрывали вершину, на которой, как корона владыки мира, возвышался одинокий храм: видно, всевышний все еще гневался и гнал черные тучи прямо на поле Джанаку.

Джанаку отчетливо видел, что божество грозно нахмурило брови. Он хотел поднять руки, молить всевышнего о пощаде, но руки почему-то не двигались: одна, откинута далеко в сторону, неподвижно лежала на земле, другая — ладонью вверх — покоилась на неловко повернутом колене.

Джанаку безмолвно смотрел на вершину. Постепенно из-за нее

показалась фигура какого-то другого бога, голова которого была тоже обложена черными тучами, однако они не могли закрыть его короны из сверкающих лучей. В багрово-красном лике божества и его черных насупленных бровях выражался великий гнев...

Джанану взглянул на него и вздрогнул: одной ногой грозное божество попирало распростертое перед ним тело Уттами, а другая нога тянулась к груди Джанану!

Джанану крикнул, позвал Уттами, но она ничего не ответила ему, только посмотрела на него глазами, в которых застыл ужас. Божество уже поднялось над самой вершиной, и его лик все ярче полыхал неукротимым гневом.

Божество двигалось все быстрее; вместо двух у него выросло бесчисленное множество рук-лучей, которыми оно отрывало от гор тяжелые глыбы и сбрасывало их на поле Джанану. В тысячах огненных глаз божества блистало пламя ярости. Потом его лик вдруг потемнел, количество рук начало быстро уменьшаться, пока их не осталось всего лишь две; ноги укоротились и слились с туловищем.

Джанану вздрогнул: под ногами божества уже не было видно тела Уттами. Вся одежда божества была перепачкана глиной, а на грубых ботинках толстым слоем налипла жирная грязь... Джанану узнал обувь лесничего... Кто же это? Лесничий или грозное божество — сама его судьба?.. Не он ли сбрасывал глыбы на его поле?.. Не он ли топтал тело Уттами своими грязными башмаками?.. Так, значит, лесничий сильнее того божества, которое обитает на вершине?! Ну конечно, это он! Лесничий Шамдас, приехавший сюда десять лет назад из Патанкота!

Пальцы Джанану слабо зашевелились, словно тянулись к горлу врага или готовились раздробить ему голову о скалы, сброшенные на поле. Но божество вдруг опять начало расти, у его ног снова беспо мощно забилось истерзанное тело Уттами, а бесчисленные сверкающие руки-лучи опять начали обрушивать обломки скал на поле Джанану...

Потом все померкло.

...В широко открытых остеклевенных глазах Джанану отражалось восходящее солнце.

Бхишам Сахни

НОВЫЙ ДОМ

Мой друг Гириджа построил дом, и мы с женой, точно во время праздничной процессии, переходили друг за другом из комнаты в комнату, восхищенно кивая головами и поминутно издавая возгласы восхищения. Жена моего друга пухленькая Вимла, сияя улыбкой, показывала нам свои новые владения — зал, спальню, ванную

комнату... Несмотря на возраст и полноту, Вимла была по-девически легка и непосредственна. В разговоре она свободно перескакивала с темы на тему, беспричинно смеялась, и крохотный глазок украшения в мочке ее носика игриво поблескивал в такт словам. Хозяин безропотно следовал за своей супругой.

Когда мы оказались на задней половине, хозяйка неожиданно остановилась перед плотно прикрытой дверью, повернулась к нам и, издав короткий радостный смехок, торжественно возгласила:

— А эта комната — мемориальная!

Она распахнула дверь и широким жестом пригласила нас войти.

Это была крохотная комнатка, больше напоминавшая чулан для прислуги либо кладовку, куда сваливают всякую рухлядь. В комнатке стоял застарелый запах дешевого табака, а весь пол был усеян окурками и смятыми пачками из-под дешевых отечественных сигарет «Чар-минар». На узеньком топчане у стены в беспорядке были свалены постельные принадлежности — грязный матрац без простыни и два стареньких стеганых одеяла — все смято, скомкано, будто хозяин только что встал после бессонной ночи.

— Ему так нравится здесь! — рассмеялась Вимла.

— Ты спишь здесь, Гириджа? — спросил я. — А что, разве супруга тебя..?

— Не каждый день, но случается, — со смехом подхватила Вимла. — Когда его одолевают воспоминания, я выпроваживаю его сюда.

— Ты бы только знала, как тут хорошо спится! — сконфуженно проговорил хозяин.

— Конечно, конечно, а разве я возражаю? — весело посмотрела на супруга Вимла. — Я специально обставила комнату, как в дни его молодости, ...когда он водил дружбу с «товарищами», — блеснув белозубой улыбкой, продолжала Вимла. — Вот, взгляните-ка: на двух закопченных кирпичках стоит старенький чайник, рядом — солдатский котелок. Ну, совсем как в те дни! Заваривай чай и дерьмо глотку сколько влезет!.. В те дни мой благоверный вместе со своими дружками все куда-то порывался. Как же — «товарищи»!

— Если бы вы знали, Вимла, какое прекрасное это было время! — мельком взглянув на друга, осторожно заметил я.

— А я знаю, я все прекрасно знаю! — парировала Вимла. — Кому и знать, как не мне? — И, словно желая уколоть супруга, желчно добавила: — Когда на него накатывает такая хандра, он или тут закрывается или выводит велосипед и едет куда глаза глядят. Облачится в старенький военный френч — от тех времен еще сохранился! — выводит свою двухколесную конягу, прыг в седло и ну крутить педали! Целыми днями пропадает. И где только его носит! А вернется — грязный, как трубочист. Весь в пыли, одни зубы блестя!

— Ты слышишь, Гириджа, что думает о тебе твоя супруга? — желая угодить хозяйке, подхватил я.— Может, он нарочно в пыли валяется, как вы считаете, Вимла-джи?

— Не знаю, не знаю... Может, и нарочно...

Друг молча слушал, сконфуженно улыбался, и на лице его словно было написано: «Смейтесь, смейтесь, а я свое дело знаю. Мое место там, на улице, в колоннах. Построил дом, стал домовладельцем — ну и что? Придет день — мы воспрянем, и я снова буду там, на улице в колоннах демонстрантов!»

Вимла с милой улыбкой взглянула на мужа и скорбно покачала головой:

— Никуда ты не пойдешь, никуда! А жалобы, раскаяния, ахи да охи — все это я уже сколько лет выслушиваю! Надоели хуже, чем вой шакалов по ночам!

— Ты меня еще плохо знаешь, Вимла,— вздохнув, кротко заметил Гириджа.— Я остался такой же, каким был двадцать лет назад.

— Уж кого-кого, а тебя-то, дорогой, я знаю, очень хорошо знаю... Ты и раньше был такой же, как сейчас! — не скрывая иронии, протянула Вимла.— Ты думаешь: надел френч с двумя накладными карманами на груди,— и ты уже крантикар, то бишь революционер? Эх ты, крантикар! От этого твоего френча в холодный сезон у тебя только насморк начинается! — И Вимла расхохоталась.

Гириджа как-то скис, но продолжал улыбаться.

— А этой своей революцией ты занимайся тут сколько тебе влезет! — заключила Вимла, жестом показывая на каморку, и вся компания проследовала в соседнюю комнату.

В те не столь уж отдаленные времена — я это отлично помню — Гириджа не только водил дружбу с «товарищами», как выразилась его супруга, но и, более того, сам входил в их число и, выполняя поручение, даже возглавлял какой-то профсоюз. Потом, не знаю уж почему, он неожиданно отошел от дел и разорвал всякие отношения с прежними своими соратниками, казалось, раз и навсегда! Правда, я и раньше замечал, что, обычно молчаливый и замкнутый, Гириджа оживает при одном упоминании о прошлом, однако, что греха таить, значения этому не придавал: с годами все мы становимся немножко сентиментальными. А тут, оказывается, все было намного сложнее: человека постоянно мучила совесть, лишала сна и покоя память о тех днях, когда он стоял плечом к плечу со своими товарищами! ...И сейчас, несмотря на иронию, прозвучавшую в словах жены, сказанных в адрес «товарищей», Гириджа, кажется, даже обрадовался, что вольно или невольно жена выступила как свидетель его былых увлечений, когда всего себя без остатка он отдавал борьбе за общее дело и сердце его целиком принадлежало товарищам.

А Вимла, словно не замечая взволнованного лица мужа, продолжала показывать нам все углы и закоулки нового дома.

В комнатах все еще не выветрился запах цемента и шпаклевки.

— Я целых десять месяцев приходила сюда — изо дня в день, — весело щebetала Вимла. — Тут нужен глаз да глаз. Недогляди за подрядчиком — так он семь шкур с тебя сдерет: работы выполнит на чаванни¹, а сплутит целую рупию!

Наконец осмотр был закончен, и мы вернулись в зал. Завезти мебель хозяева еще не успели. В углу стоял старенький диван да два или три стула. Голый пол — ни ковра, ни дорожки. Бросался в глаза только новенький торшер с красным абажуром, робко приютившийся рядом с диваном.

— Дел еще непочатый край! — продолжала Вимла, обращаясь к моей жене. — Чтобы навести порядок в таком доме, нужны руки. Нанимать придется кого-то. Цветник вот — за ним тоже уход нужен. А тут еще машину купить собираемся — не буду же я весь век сидеть дома? А его по хозяйству хоть бы и вовсе не было. Станешь о делах говорить — кривиться начинает. По всякому пустяку раздражается. «Надень, — говорю, — новый костюм. Неужели, — говорю, — обноски не надоели?» А он сердится, отчитывать меня принимается. При такой жизни и новый дом не в радость. Если б знала такое, ни за что бы не стала затевать стройку. Все косится, все хмурится, слова доброго от него не услышишь. Что ни спроси — рыкнет что твой лев. Разве ж это жизнь?

— Послушай, друг, — задорно блеснув глазами, неожиданно заговорил Гириджа, обращаясь ко мне; голос его звучал молодо. — Давай-ка расстелим мы циновку да вот так попросту и пообедаем, без затей. Помнишь, как бывало?

У стоявшего в дверях слуги даже челюсть отвисла от удивления: господу — и вдруг на полу, как простые мужики? Не дожидаясь приказа, он бросился в соседнюю комнату и приволок свернутый в рулон дорогой ковер.

— А это еще зачем? — нетерпеливо махнул на него рукой Гириджа. — Не надо никакого ковра.

— Зачем же садиться на голый пол? — сердито встала Вимла. — Так и простыть недолго.

— Не беспокойся, ничего со мною не случится! — с досадой отмахнулся от нее Гириджа.

— А помнишь, как ты полицию обманул? — вмешался я, видя, что назревает скандал. — Ты не забыла, Вимла-джи, как он полицию обманул? Они туда, сюда, а его уж и след простыл...

— Я-то помню, я все помню, — с раздражением в голосе проговорила Вимла. — Бегай от полиции, если тебе нравится... Только

¹ Чаванни — монета в четверть рупии, или 25 пайс.

спроси-ка ты его вот о чем: попадал он в полицию хоть раз, ну, хотя бы один-единственный раз?..— Вимла выдержала паузу.— Вот то-то и оно. Кого же ему было бояться, если родной дядя в полиции...

— Какое было время! — оживленно потирая руки, перебил ее Гириджа: глаза у него молодо блстели.— Героическое было время! Как вспомню — первым делом перед глазами строй столбов, что вдоль улицы, которая ведет к Модел-тауну. А на верхушках — лампочки, лампочки, лампочки, много лампочек. Почему, спросите, мне первым делом эта улица вспоминается? Отвечу: потому, что этой улицей в глухую полночь я со станции пробирался домой...

— «Льенок», «сын льва» — так, кажется, тебя называла тогда мать Капура? — напомнил я.

Громко хмыкнув, Вимла с удивлением уставилась на мужа:

— «Льенок»? Неужели у него действительно была такая кличка?

— Вы смеетесь, Вимла-джи, а напрасно, — обидевшись за друга, заговорил я.— Мать Капура действительно называла его только так — «Льенок». Да и не одна она, — все тогда называли его так. Ну, что ж ты молчишь, Гириджа? Было такое или не было? Про него тогда говорили, что он либо станет образцовым семьянином, либо изберет для себя путь профессионального революционера.

— И он стал заботливым семьянином! — пробормотал Гириджа, морщась, как от зубной боли, затем вскочил, подбежал к шкафу и резким движением откинув дверцу, выхватил оттуда бутылку виски.

— С обедом можешь не спешить, Вимла! — стараясь изобразить на лице улыбку, неестественно громко заговорил Гириджа.— А мы пока вспрыснем и новоселье и встречу!

— Ты можешь делать что твоей душе угодно, только и о прислуге забывать не надо, — плаксивым тоном заговорила Вимла.— С раннего утра на ногах! Им тоже есть-пить надо! Сам ведь на каждом шагу долбишь об этом! — И, обращаясь к моей жене, продолжала: — Из-за такого муженька я уж и сама-то себя не узнаю. Даже к прислуге стала относиться по-другому. Раньше ведь как? Сказал слуга слово поперек — его тем же часом за ворота. А теперь я с прислужгой похорошему. «Свое дело, — внушаю, — выполняй старательно, с усердием». Авось, думаю, поймет когда-нибудь!

Не обращая внимания на воркотню жены, Гириджа протянул мне бокал:

— Ну, что ж, друже, подняли! Cheers¹.

— Cheers. All the best² — чокаясь с ним, сказал я и, пригубив бокал, сел на свое место.

— Ну, а теперь, друг, — обратился я к повеселевшему хозяину, — расскажи-ка нам, как же все-таки удалось тебе уйти тогда, прямо из-под самого носа у полиции!

¹ Ваше здоровье (англ.)

² За все хорошее (англ.)

Комната постепенно наполнялась дымом от наших сигарет. Табачный дым заглушал запахи необжитого помещения. По мере того как пустела бутылка, возникало ощущение прежней близости, таяли остатки отчужденности.

— Оставь, друг! — отмахнулся Гириджа. — Дело прошлое! Да и какой толк долдонить одно и то же!

Однако я видел, что ему и самому не терпится поведать о делах минувших дней.

— Хорошее было время, очень хорошее! — задумчиво проговорил он и, выдержав паузу, словно нехотя продолжал: — В тот день в одном из школьных классов проходило у нас подпольное собрание... на втором этаже. А рядом со школой — почти вплоты — стоял храм Ханумана¹... Ну, вот митингуем мы, и вдруг — «Полиция!»

Картины прошлого словно пробудили в нем прежнего Гириджу: голос его звучал уверенно, как в былые времена.

— Ну, думаю, первым делом надо к задней лестнице, по ней быстренько во двор. Там каморки, где живут чапрасы²: шмыгну в одну из них — только меня и видели, — все более воодушевляясь, продолжал Гириджа. — Одним прыжком на чердак к заднему окну — но что я вижу? Никакой лестницы нет! Что же делать? Раздумывать некогда, и прямо со второго этажа сигаю во двор!

— Вот здорово! Молодец!

— Гляжу: между двором и храмом — стена, довольно высокая. А дело-то было вечером, смеркалось. Хоть и высокая была стена, меня через нее точно ветром перенесло — во дворе храма оказался. Ну, храм, так храм! Рубаху долой, штаны тоже, все это под мышку, руки — лодочкой и через боковую дверь внутрь. Гляжу: налево окно. На подоконнике — цветы. Ну, я их в пригоршню: дескать, и я получил благословение всевышнего, — и вместе с остальными богомольцами тихо-тихо к выходу.

— Ну, молодец!

— Только это вышел я за ворота, вижу — стоят драконы! А у меня в левой руке цветы, рубаха и штаны перекинута через плечо, точно полотенце! Ну, думаю, все — попался! Но виду не подаю — иду мимо, а поравнялся — даже ручкой им сделал. Тогда, честно тебе говорю, никакого страха не чувствовал! Иду себе негоропливо, как истый богомалец. Оцепление осталось позади, кругом темнота, вот тут-то уж я и припустился что было духу!

— Ты настоящий герой!

Вместе с нами внимавшая рассказу мужа Вимла вдруг рассмеялась.

¹ Хануман — в индийской мифологии царь обезьян.

² Чапрасы — рассыльный.

— А бегать-то что за нужда была? Свернул бы в первый попавшийся переулок — и делу конец. Да и кто б тебя стал задерживать, когда твой дядя даже самого начальника полиции в страхе держал?

— «Дядя, дядя!» — передразнил Гириджа. — Ну, что дядя? Дяде самому не терпелось побыстрее отделаться от меня!

— Свои сказки можешь рассказывать кому угодно, только не мне, — криво усмехнулась Вимла. — Дядюшку-то твоего вся полиция боялась, это я точно знаю. Ну, бегай ты или не бегай — кто тебе что сделает? А он-то, он чего только не придумает — то здесь прячется, то тайком в другой город мотнется!.. Поначалу-то у меня у самой вся душа за него изболелась. Ну, думаю, схватят — сгноят в тюрьме! Так бы, наверно, и продолжалось, если б не папа. Позвал как-то меня к себе. «Ты, — говорит, — не тревожься, ничего с ним не случится. Молодые люди из зажиточных семей далеко от дома не отбиваются. Революция? Ну, и что — революция? Пусть потешится, пока не надоест!» — И Вимла громко рассмеялась. Она явно издевалась над его революционным прошлым, память о котором он берег, как святыню.

Гириджа посерел от ярости. Под туго натянутой кожей заходили жёлваки.

— А Рамратан тогда тоже был вместе с тобой? — спросил я, чтобы хоть как-то замять неловкость.

— Конечно, он тоже был там, — вместо него отвечала Вимла. — Делал революцию вместе с ними. Папа-то у него тоже был не из простых — адвокат!

— Легко вам говорить, Вимла-джи! — не сдержался я. — За своим мужем вы — как за каменной стеной. А человек жил революцией. У бедняги голова поседела, а вам все шуточки!

— Я и сейчас готов улицы подметать, если надо! — повысив голос, подхватил Гириджа. — Только в этом вся прелесть жизни! Только это придает ей какой-то смысл! — почти кричал Гириджа, размахивая рукою с опустевшим бокалом.

Вимла презрительно отвернулась.

— По правде сказать, сначала-то я ох как боялась за него, — обращаясь к моей жене, заговорила она. — Когда мы жили в Джаландхаре¹, и у нас было всего-навсего три с половиной тысячи рупий. «Ты бы, — говорю ему, — работу, что ли, какую подыскал: какой никакой, а заработок». А он только «угу» да «угу» — только головой кивает, даже глаз не подымет. — И, подражая прежней манере мужа, Вимла бесстрастно, как китайский болванчик, покачала головой. — «Тебе, — говорю, — революция больше нужна или служба? Ну, ладно, — говорю, — революция тебе нужней, пусть, только ведь жить

¹ Джаландхар — город в Пенджабе.

надо. А как жить-то без денег? Ты думаешь, трех с половиной тысяч надолго хватит?» А он: «Нам,— говорит,— надолго и не надо. Через полгода произойдет революция, а потом наступит самаджвад¹!..— «А при самаджваде,— говорю,— ты тоже работать не станешь?» А он: «Так что же,— говорит,— мне самаджвад устанавливать или в поисках работы рыскать,— что важнее, как ты думаешь?» — и, не удержавшись, Вимла расхохоталась. — Такие сцены, бывало, закатывал — ай да люли!.. Помнишь, как на железной дороге забастовали? — неожиданно обратилась она к мужу. Ответа не последовало: Гириджа сидел, низко опустив голову, и рука его крепко сжимала пустой бокал.

— За день до забастовки, помнится, совсем сна лишился,— продолжала беспечно Вимла.— На дворе давно уже глухая полночь, а ему не спится. Все на покой отправились, а он знай меряет шагами крышу да курит. Сигарет-то чуть не полную пачку выкурил тогда. Подошла я к нему, а он мне: «Завтра,— говорит,— во многих местах кровь прольется! Вполне возможно,— говорит,— что революция начнется именно завтра. Так что потерпи еще совсем немного. А мне,— говорит,— завтра придется мотаться по городу. Всякое может случиться... Но революция надвигается, дорогая, а это — главное». А я ему: «Ты бы,— говорю,— пока суд да дело, пошел бы да вздремнул. А как только начнется революция-то, я разбужу». Куда там! И слушать не стал! Чуть не до утра мораль мне читал, пока меня сон не сморил.

— Вот в этом, наверно, и заключается секрет здоровья, Вимладжи! — стараясь польстить ей, сказал я.— Поэтому, видно, и годы на вас не действуют!

— А я к сердцу ничего близко не принимаю.

— А ваш супруг?

— Скажете же такое! — махнула рукой Вимла и опять рассмеялась.

Гириджа заметно опьянел — и от вина и от воспоминаний.

— Я и теперь... ик... я и теперь... готов улицы подметать,— слегка заплетающимся языком бормотал он, ни к кому не обращаясь.— Да, улицы... ради святого дела!

— Лучше рассказал бы, как я тебя спасла тогда... от этого самого дела! — повернувшись к супругу, произнесла Вимла громко.— Никого с пути я не сбивала. У меня ведь так: хочешь революцию делать — делай на здоровье, но неужели мне целый век так и держаться за такого?

Видя, что беседа принимает нежелательный оборот, я попытался повернуть ее в другое русло.

¹ Самаджвад — социализм.

— Ну, хватит, хватит об этом,— вмешался я.— Когда начнется революция, Вимла-джи увидит ее собственными глазами. Почитай лучше стихи! Ты ведь, помнится, много стихов знал.

Гириджа удивленно воззрился на меня осовевшими глазами: может, готов посмеяться над ним вместе с супругой?

— Почитаешь? Принести книгу?

— Сидите, сидите, я сама принесу,— запротестовала Вимла.— Какую принести? — И рассмеялась, довольная.— Ту, что там, в «Мемориальной комнате»?

— Нет, нет... никакой книги не надо,— расслабленным жестом остановил ее Гириджа.— Я наизусть... помню.

— Почитай, пожалуйста,— настаивал я.— Только что-нибудь хорошее.

— Я бы почитал, да супруга... испортила настроение.

— Это я-то? Испортила тебе настроение?! — с неподдельным изумлением всплеснула руками Вимла.— Да будет тебе известно: я никому не портила настроения!

Наступило неловкое молчание.

Гириджа начал читать, произнося слова немного в нос:

Не требуй любви, дорогая...

— Какое избитое стихотворение! — прервала его Вимла и рассмеялась.— Сколько раз уж твердила ему, и никакого толку. Такими стихами дружки его, бывало, поминали покойников!

— Очень хорошее стихотворение! — вмешался я.— Оно и на меня в свое время очень действовало, да и не только на меня.

Однако Гириджа, раскачиваясь в такт стиха, уже читал что-то совсем другое:

Горько жить на свете без любви,

Горше жить без солнца и свободы...

Голос теща дрогнул, и, чтобы скрыть волнение, он стал читать еще громче. Я незаметно кинул взгляд на хозяйку. Не обращая никакого внимания на мужа, Вимла что-то оживленно рассказывала моей жене.

Что мне делать? Красота твоя с годами

Все на свете заслонила для меня...

Гириджа осекся. По щеке скользнула слеза. Он сидел, беспомощный и жалкий, бессильно качая головой.

— Bravo, дружище! Bravo!

— Сейчас-то еще ничего,— заученно продолжала Вимла, не замечая состояния мужа,— а раньше никакого сладу не было. Только, бывало, и слышишь: «Работать не буду», «Торговлей заниматься не хочу». А то случалось и такое: «Вот еще пяток годков потружусь, а после этого — твой черед: к матриархату возвращаемся». А теперь все больше молчит, иногда только грозить принимается. А я: «Грози, грози,— думаю,— говори, что угодно, а будет так, как я хочу»... Да будь бы его воля, меня б с детिशками давно на улицу выбросили! Мало я натерпелась с ним? То у матери укроешься, то у свекрови...

— А вы не мешайте ему, Вимла-джи,— шепотом посоветовала моя жена.— Не говорите ему ничего.

— А разве я мешаю ему? — с искренним изумлением произнесла хозяйка.— Идет, куда хочет, встречается, с кем хочет. Разве я запрещаю? Это он чуть не то съел или перегрузился — уже с животом мается. Тут же отдышка, сердцебиение.

Тем временем Гириджу, чувствовалось, совсем развезло. Не выпуская из рук бокал с виски, он стоял посреди комнаты, слегка подавшись вперед, с трудом удерживая равновесие.

— Я... ик... я создан для политики! — почти выкрикивал он.— Я создан... для революции! — И тут же повторял по-английски: — I was made for the revolution.

— Может, хватит? Сколько еще пить-то будешь? — направляясь к мужу, заговорила хозяйка.— И так почти каждый день! А случись зайти кому из прежних друзей — тут уж без бутылки не обойтись... Да с него-то все как с гуся вода, а вот таскать его приходится мне.

— Вимла, ты... ты мать... моих детей! — уставившись на жену мутным взглядом, произнес Гириджа хрипло.— А я... я создан для революции!.. И ты это знаешь...

— Ну, конечно, конечно... Ты создан для революции! — громко повторила Вимла, беря мужа за локоть.— Ну, пойдем, дорогой, пойдем... В кресло сядем, отдохнешь.

— Я создан... для революции! — вырывая руку, повысил голос Гириджа: язык уже плохо слушался его.— Ты — мать... мать моих детей... Вимла... А я создан... для революции! — еще раз выкрикнул он, и по щекам его покатались пьяные слезы.

— И вот так каждый раз,— вздохнула хозяйка.— Выпьет лишнего — и ну потешать людей. Никакого цирка не надо! — И Вимла опять стала уговаривать мужа сесть в кресло. Гириджа сердито упирался, стараясь оттолкнуть ее руку.

— Не сяду я! Сказал: не сяду — и не сяду!

— Ну, и торчи посреди комнаты! — теряя терпение, выпалила хозяйка.— Оставьте его... Если уж заупрямится — бульдозером не столкнешь... — Пройдя по комнате, она придвинула мужу легкое плетеное кресло, стоявшее у стены.— Ну, вот и располагайся.— И, глядя взъерошенные волосы мужа, ласково спросила: — А, может, тебя проводить в твою комнату?.. Ну, ту, что мемориальная... Там и отдохнешь... И тревожить тебя никто не будет.

Гириджа с трудом поднял на нее мутные глаза, губы его растянулись в пьяной улыбке.

— Ты... ик... ты — мать... моих детей, Вимла, — с трудом ворочая языком, бормотал он.— А я создан... создан...

Поддерживая его под руки, мы с Вимлой повели его в комнату, которая до сих пор занимала такое место в его жизни.

— Я создан для реворю... для леворюции! — Язык уже почти не повиновался ему.

— Ну, конечно же, конечно, дорогой: ты создан для революции! — охотно соглашалась Вимла. — И все мы это знаем.

Когда мы были почти у цели и Вимла протянула руку, чтобы толкнуть дверь, Гириджа вдруг заартачился.

— Куда это ты... привела меня, Вимла? — еле размыкая губы, почти промычал он. — Ты привела меня... совсем не туда!.. Я ведь для революции...

— Ну, что заладил? — прищкнула на него Вимла и повернулась ко мне: — А теперь еще примется меня во всех грехах обвинять, я уж заранее знаю. Ну, иди, иди, не упирайся!.. Вот тут и занимайся революцией, если охота! — И, подтолкнув мужа, Вимла прошла в комнату следом за ним.

Когда, уложив наконец хозяина, мы вышли в коридор, Вимла закрыла комнату на ключ.

— Каждый день одно и то же! — в отчаянии проговорила она, тут же спохватилась и, повернувшись ко мне, изобразила на лице улыбку. — Он очень впечатлительный. А уж если встретит старого друга, обо всем на свете готов забыть... Вы уж извините его...

А из-за двери, фальшивя и давая петуха, доносился пьянский тенорок хозяина, распевавший старую революционную песню:

Это борьба...

Борьба за свободу...

Борьба за свободу и честь...

Шивпрасад Синх

ЗАКЛИНАТЕЛЬ ЗМЕЙ

За околицей близ гумна, что стоит у развесистой смоковницы, раскинуло свои палатки племя натов¹. Скоро неподалеку от навесов из старых циновок запыльхали жаром сложенные прямо на земле низенькие печи, и густые клубы дыма потянулись в сторону деревни.

Усевшись у печей, женщины ведут оживленную беседу, потряхивая большими резной работы натхами. Под дымным пологом, будто под шатром, на кровати с веревочной сеткой, застеленной тряпьем, важно восседает Баккас — вождь племени.

Перед Баккасом стоит плетеная клетка с большим зеленым попугаем, которого глава племени обычно угощает хлебными крошками и на досуге учит говорить. Щелкая по прутьям своим крючковатым клювом, попугай скрипит что-то невнятное, потом прыгает вниз, подбирает с полу сухой комочек хлеба и, часто моргая, пытается его проглотить.

¹ Наты — члены бродячей касты танцоров, фокусников, укротителей змей.

Поодаль, прямо на траве, свободно раскинув руки, лежит юноша, устремив свои задумчивые черные глаза в клубящееся тучами небо и не замечая, как чья-то курица, кося любопытным глазом, пытается просунуть голову в стоящую у его изголовья большую корзину. Корзина наполнена наглухо закрытыми круглыми плетенками, в которых шевелятся змеи — серые, черные, желто-коричневые. Возле корзины лежит дудка с круглым, сделанным из небольшой полой тыквы резонатором. В отверстиях дудки посвистывает ветер.

От деревни в сторону лагеря натов неторопливо движутся двое: местный тхакур и брахман Парасоттам Пандэ. Прослышав о появлении натов, они пришли проверить, с чем пожаловали незваные гости.

— На этот раз ты, кажется, один заявился, Баккас?

Завидев гостей, Баккас не спеша поднимается с кровати и низко кланяется.

— Один, хузур, один... Молодежь из подчинения выходит. Кто теперь стариков слушает, отцы вы наши! Вот так каждый сам по себе и странствует.

Выговаривая все это заученной скороговоркой, Баккас не отрывает глаз от тхакура. Взгляд его мог бы показаться открытым и мягким, если бы не мрачный огонек, тлевший где-то в глубине.

— А это кто? — кивком показав на лежавшего поодаль молодого ната, спрашивает тхакур. Юноша даже не шевелится, продолжая лежать в прежней позе, будто ему нет никакого дела ни до Баккаса, ни до тхакура с брахманом.

— Это сын Наби, хузур, — объясняет Баккас. — Все скорбит бедняга. Прошлый год вот тут, в вашей деревне, хозяйка у него померла. Может, помните, хузур? Вечером пошла к речке набрать воды, да так, бедняжка, и не вернулась. Утром только мертвое тело нашли. И что с ней могло случиться, ума не приложу!

У Баккаса хищно раздуваются ноздри, а глаза мечут черные молнии. Однако огромным усилием воли сдержав себя, он прежним ровным голосом продолжает:

— От такого удара, хузур, совсем рассудок потерял парень. Как помешанный стал. Целый год уж пыль глотаем по дорогам, и где только за это время не побывали, а от него никакого проку. Ремесло забросил. Змей, вишь, развел. Знай возится с ними. Сколько уж раз говорил ему: «Брось ты эту затею. Опасное дело!» Так куда там, — и ухом не ведет. Видать, не дает ему покоя душа усопшей. Хоть бы знать, когда отвяжется она от парня!

Баккас, как видно, вкладывает в свои слова какой-то особый, зловещий смысл, и тхакур не выдерживает.

— Кончай зубы заговаривать! — злобно кричит он. — А ему скажи, пусть убирается откуда пришел! Дело не шуточное! Тут деревня, кругом люди, а у него — даже подумать страшно — змеи! Случись что, кто отвечать будет?

Баккас криво усмехается.

— Да что вы, хузур! Змей испугались! А где у них зубы? Да и яду-то, откуда ему быть, если их почти не кормят?! Нечем и жалить, хузур, вот тут какое дело! — И Баккас смеется каким-то дребезжащим нервным смешком.

— Помолчи, ты! — рявкает тхакур. — Я не намерен слушать всякие дурацкие бредни! Сказано вам — убирайтесь! Да поскорей! Нынче же! Мы не можем терпеть соседство тех, кто добывает свой хлеб грехом! Воровства да разбоя и без вас хватает!

— В шаштрах о том же говоричча, — закладывая за щеку щепоть жевательного табака, шамкает Парасоттам Пандэ. — В шаштрах вот што шкажано: «Никто не должен давать приют убийцам, ворам и грабителям». А тут хочь шражу караул кричи: нат да еще жмеелов! Упушти он шлучайно жмею — штраху натерпишься, не приведи гошподь...

— Мы не воры и не грабители, уважаемый бабу! — срывающимся от гнева голосом выпаливает Баккас и осекается, боясь наговорить лишнего.

— Молчать! — взвизгивает тхакур. — Слышал, что сказано? Убирайтесь сейчас же! Не уберетесь подобру — выпроводим силой! — И, обернувшись, он громко зовет стоявшего поодаль Чарну — деревенского брадобрэя.

Баккас принимается укладывать пожитки. Молодой нат порывисто вскакивает, молча нанизывает свои корзины на концы длинной ламбуковой палки и ловко вскидывает этот шест-коромысло себе на плечо. Не проходит и пяти минут, как старенькие палатки, ветошные подстилки, мешки, клетки — весь немудрый скарб племени уже погружен на единственного буйвола. Последними трогаются женщины. Бережно прижимая к груди завернутые в тряпье котелки с недоваренным рисом, они замыкают шествие. Через четверть часа табор Баккаса исчез в сгущающихся сумерках.

В летние месяцы наты часто наведываются сюда. Очень уж приглянулись им здешние места. Поблизости протекает речка, у дороги стоит десяток старых развесистых смоковниц, в тени которых можно найти спасение от палящих лучей солнца, поэтому с наступлением жаркого сезона дырявые палатки натов два-три месяца маячат на подступах к деревне.

Баккас был признанным главою табора. Он один умел делать все то, чем каждый член племени занимался в одиночку: он не брезгал воровством, считая его своим наследственным занятием; широко вел тайную торговлю опиумом и гашишем; любил помериться в силе с местными рустами¹; мог часами петь сказание об Ульхе и Удаде²,

¹ Рустам — могучий богатырь, герой персидско-таджикского фольклора.

² Ульха и Удадь — герои индийского фольклора. олицетворение супружеской любви и верности.

чем нередко пользовался для того, чтобы отвлечь внимание крестьян, когда замышлялась какая-нибудь рискованная операция.

Как и многие его соплеменники, Баккас любил промочить горло, поэтому почти каждый вечер он бывал необычно весел, добродушен и болтлив. Наутро у него болела голова, ломило тело, и какой-нибудь парнишка из племени, оседлав Баккаса, все утро усердно растирал ему шею и спину.

В дни молодости Баккас выкрал в дальней деревне невесту. Она родила Баккасу троих детей — двух сыновей и дочь. Девочку назвали Каммо. В отличие от своих соплеменников Каммо не была темнокожей. От матери она унаследовала светлый цвет лица, однако от постоянного пребывания на солнце кожа ее со временем приобрела смуглый оттенок. Ветер свободно трепал ее легкие с сизым отливом волос, отчего, если она стояла против солнца, вокруг ее головы сиял волшебный нимб. На круглом миловидном личике выделялись огромные глаза и ямочка на подбородке. Каммо с детства освоила искусство татуировки и пользовалась огромным успехом.

Прослышав о появлении Каммо, молодые женщины со всей округи стекались к табору, осаждая ее просьбами «уделить хоть минутку».

Усадив клиентку в тени смоковницы, Каммо с озорной улыбкой говорила ей: «Сцепи зубы, подружка, и терпи. Сначала будет немножко больно, а потом все пройдет».

Женщина, съездившись, замирала, а Каммо, весело играя глазницами, изредка цыкая на ойкающую клиентку, принималась накалывать ей на руке какой-нибудь диковинный цветок, плод манго, бабочку или священную раковину. Женщинам нравилась ее работа, а парни готовы были пойти за нее в огонь и в воду.

Дочь Баккас выдал за Башира, сына своего закадычного друга Наби. Башир был под стать Каммо, и в таборе их почитали как богов — хранителей очага. В темном, будто отлитом из бронзы теле Башира таилась огромная сила. Да и все другие мужчины в таборе Баккаса были как на подбор — один крепче другого. Страх перед возмездием натов удерживал даже отпетых головорезов от пристававший к Каммо, и она, как сказочная голубая корова, могла безбоязненно бродить по окрестным деревням. Однако никто не сумел прийти ей на помощь, когда с нею случилась беда.

Как-то вечером, когда она возвращалась с реки, ее уже поджидали люди заминдара¹. Вероятно, даже птицелов не кидается к сети с такой поспешностью, с какой орудовала шайка купленных заминдаром бандитов: в мгновение ока они связали ей руки и заткнули кляпом рот. Ночь плотным пологом уже окутала землю, и ни одна живая душа не видела, как все это произошло.

¹ Заминдар — помещик.

Откуда было знать заминдару, что она, дочь вора-ната, презренная повитуха, помогавшая женщинам освобождаться от плодов тайной страсти, грязная торговка, безнаказанно промышлявшая опиумом, будет так защищать свою честь? Обуреваемый похотью, заминдар не думал об этом, — он опомнился, только когда Каммо, проглотив весь хранившийся у нее запас опиума, предпочла смерть вечному позору. Перепуганный насмерть заминдар вызвал верных людей и приказал им бросить труп в речку.

Преступление заминдара уже к полудню ни для кого в деревне не было тайной, однако об этом люди говорили шепотом, боясь навлечь на себя гнев «хозяина».

Сидя на земле рядом с телом дочери, Баккас горько проплакал весь день, а Башир, глядя на покойницу, никак не мог поверить, что Каммо уже нет в живых.

К вечеру тело Каммо предали земле, а Баккас, словно смертельно раненный зверь, еле дополз до своей палатки. В сумерках табор неожиданно снялся и сразу же словно растаял во тьме.

Прошло несколько месяцев. На смену темным приходили лунные ночи, дни становились длиннее, потом снова короче, однако раны в сердце Баккаса и Башира продолжали кровоточить. Тайно ото всех Башир вынашивал план мести. С молчаливого согласия Баккаса, он упросил одного бродячего факира в Фаридпуре обучить его нелегкому ремеслу заклинателя змей. И вот ровно через год Башир вернулся в эту деревню, горя желанием расквитаться с тхакурom.

Месть тхакуру за погубленную дочь стала единственной целью жизни Баккаса. И сейчас, когда табор все дальше уходил от деревни, мысль его лихорадочно работала, и в голове словно гудел потревоженный рой.

Дойдя до речки, Баккас остановил табор.

— Заночуем здесь, а утром будет видно, — коротко бросил он и принялся разгружать буйвола. Это было рядом с тем местом, где ровно год назад они похоронили Каммо.

Вспомнив, как они прощались с Каммо, Баккас в бессильной ярости сжал кулаки.

— Что ж ты стоишь, Башир? Вынимай своих змей! Иди к тхакуру! Пока эта падаль ходит по земле, я не могу свободно дышать.

— Хорошо, — коротко бросил Башир.

Из одной корзины Башир вынул коврик, расстелил его на земле и, достав из другой корзины плетенку со змеей и дудку, разложил все это перед собою. Рядом он поставил бумажный кулек с горчичными зернами и какими-то корешками. Потом Башир уселся на коврик и тихонько запел заклинание. Внезапно оборвав пение, он резко откинул крышку плетенки, схватил дудку и, приложив ее к губам, заиграл что-то торжественное и печальное. Из плетенки показалась голова змеи. Распустив капюшон и покачиваясь, будто стебель под

ветром, змея потянулась вверх. Захватив обеими руками по горсти горчичных зерен, Башир занес правую над змеей и, обсыпая ее, проговорил:

— Именем твоего укротителя, именем повелителя змей Нага-раджа, заклинаю тебя — напади на врага моего и предай его смерти! Ступай!

Перевалившись через край плетенки, змея скользнула в траву.

— Ступай! — повторил Баккас и быстро забормotal: — Пусть сгинет... проклятый! Умерла моя девочка... Пусть его жена останется вдовой, пусть узнает, как горьки слезы...

Крепко сжимая в левой руке горчичные зерна, Башир все еще видел перед глазами покачивающийся из стороны в сторону черный стебель с распушенным капюшоном, выросший из темного провала плетенки.

— Зажми кулак крепче, сынок, — проговорил Баккас.

— Угу, — отозвался Башир.

И вдруг перед глазами Башира словно опустился белый занавес, и на нем замелькали темные фигурки, очень черные на ослепительно белом фоне, и, точно в кино, одна за другой стали разворачиваться картины того, что он видел сегодня в полдень.

Раскаленное полуденное солнце месяца джетх будто обрушивало на голову потоки пламени. Бродя с корзинами по деревне, Башир уже изрядно устал. В горле у него пересохло, и он давно бы воротился в табор, если б не наказ Баккаса осмотреть дом тхакура и, если представится случай, показать его змее. Когда солнце перевалило за полдень, Башир расположился в тени развесистого дерева, что возвышалось у входа в особняк тхакура. Закончив представление, он расстелил покрывало, куда сбежавшиеся со всей деревни ребятишки вместо платы за зрелище ссыпали кто что мог: горстку риса, гороха или фруктов.

В дверях показалась тхакурани — жена тхакура.

— Ступай, сынок, если уж принес, то иди отдай дяде. Не бойся! — глядя малыша по головке, говорила она. Крепко держа обеими ручонками подол рубахи, наполненный отборным рисом, мальчик несмело приблизился к Баширу и, высыпав рис на покрывало, присел рядом на корточки.

— Матушка, водички б глоток... — непронзвольно вырвалось у Башира.

Тхакурани вынесла полную лоту¹ воды и, передавая ее подбежавшему мальчугану, ласково проговорила:

— Налей ему водички, Мадхав. Видишь, рядом с ним чашка стоит? Туда и налей.

¹ Лота — низкий бронзовый сосуд с широким горлом.

Мальчик уже смелее подошел к Баширу и до краев наполнил его чашку. Башир жадно выпил студеною воду, и силы снова вернулись к нему.

— Дядя, а змеи не пьют водичку? — раздался у него над ухом голос малыша.

— Пьют, сынок, пьют, — ласковым голосом отвечал Башир. — Они вечером пьют.

Не своя с сына любящих глаз, тхакурани негромко рассмеялась. Застеснявшись, малыш отбежал к двери и спрятался за мать, а она, довольная, с доброй улыбкой посмотрела на заклинателя. Башир стал поспешно укладываться. При виде стоящей в дверях тхакурани и ее малыша ему стало как-то не по себе, и на глаза невольно навернулись слезы...

Все эти картинки одна за другой проплывали сейчас перед его мысленным взором, когда выпущенная им змея, шурша в сухой траве, ползла к дому тхакура, а сам Башир, будто окаменев, крепко сжимал левый кулак с горчичными зернами, дожидаясь возвращения своего черного посланца, который должен был свершить месть.

— Нет! Нет! Нет! — вдруг выкрикнул он. — Не надо! Задержите ее, отец! Они же не виноваты!

Мысли его мешались: то он видел мертвое тело Каммо, то застывшую в дверях тхакурани в бледно-желтом вдовьем сари — она держала за руку малыша, а он доверчиво смотрел прямо в лицо Башира своими большими лучистыми глазами.

«Дядя, а змеи не пьют водичку?..»

Баширу стало жарко. На лбу мелким жемчугом заблестели капли пота.

Рука его дрогнула, и кулак медленно разжался.

— Что ты наделал, Башир?! — крикнул Баккас, падая всем телом на руку Башира. — Разве ты забыл, что кулак разжимают только тогда, когда змея, поразив врага, приползает назад? Иначе она возвращается с полпути и жалит того, кто ее послал...

— Я не забыл, отец, я помню это, — слабым голосом проговорил Башир. — Но ты же сам всегда твердил мне, что нат никогда не мстит тайком... Так делают только трусы, подлые трусы!.. Они же невинны — и ребенок тхакура и мать малыша! Невинны!..

Дикий крик вырвался у Башира — незаметно подползшая змея ужалила его в левую руку. Поводя распушенным капюшоном, змея яростно шипела, а ее налитые злобой глазки блестели во тьме, как две огненные точки.

— Еще ужаль... Еще...

Лицо Башира покрылось холодным липким потом, глаза закатились, голова бессильно упала на грудь.

— Сегодня я встречу с нею... с моей Каммо... — и он тяжело рухнул на землю.

Баккас осторожно поднял голову Башира и положил к себе на колени.

— Ты прав, сынок, нат никогда не мстит тайком... Ты прав! Прав!.. — Голос у него оборвался, и по щекам покатались крупные слезы.

Шивпрасад Синх

БОРОДАТАЯ КАМАДХЕНУ¹

— Счастье-то, оно для каждого человека разное, — убеждал свою жену Ропан Саху. Жене перевалило на четвертый десяток, однако никто из односельчан не называл ее иначе как «Невестушка». Так называла ее когда-то свекровь, которой поначалу очень понравилась молодая невестка. По словам старухи, с ее появлением будто сама Лакшми — богиня богатства вошла в их дом. Однако это не помешало матери Ропана Саху ровно через два месяца после свадьбы, когда надорвался и подох их последний вол, обозвать сноху «ходячим несчастьем».

Помолчав, Невестушка провела рукой по лицу, покрутила бронзовый натх² и ворчливо заговорила опять:

— Заведи лучше свиней. Деньги лопатой станешь грести. Сразу дела и поправятся. Да будь жив твой отец, со стыда б сгорел старик: от твоих слов хоть в колодец прыгай. Втемяшится же человеку такое! Да я в жизни своей не слыхала, чтоб брахман³ козу держал! Людей-то хоть не смехи! Где коза спит, там бог не ночует — слыхал поговорку?

— А-а, теперь нам, дуракам, все нипочем, — поморщившись, с досадой проговорил Ропан Саху. — Велик ли грех — козу держать. Будто меня касты лишат за это!

— Да кто теперь печется о своей касте! — В резком голосе жены звучало негодование. — Вот хотя бы ты. Ведь сколько твердила — учи мальчишку ремеслу. Так ты и послушал! Отправил в школу, английский, вишь, понадобился ему! Да у нас испокон веку никто не учил этот проклятый английский. В сандалиии, как городского, обул, а жрать нечего!

Невестушке хотелось и еще кое-что добавить, но в это время

¹ Камадхену — в индийской мифологии волшебная корова, исполняющая все желания.

² Натх — бронзовое, серебряное или золотое кольцо — украшение для носа.

³ Брахман — представитель одной из четырех основных варн (сословий) Индии; жрец.

в переулке появился их старший сын Джагешвар. Весело размахивая сумкой, он шел из школы.

— Знаешь ведь, что дрова отсырели, так хоть попросила бы у соседки пару кизяков,— недовольно ворчал Ропан Саху.— Парнишка весь день не евши, а ей бы только лясы точить! Учеба — она ведь не шутка!

Услышав последние слова отца, Джагешвар степенно вошел в хижину. Мать засуетилась. Она достала из горшка небольшой грязно-желтый комок гура, сунула его сыну и заворковала:

— Запей водичкой, сынок, запей, дорогой, а то дровишки-то нынче отсырели. Завтра уж поесть сготовлю.

Джагешвар запил гур водой и вышел во двор.

— Поддай-ка хукку!¹ — крикнул жене Ропан Саху. Он сел и задумался.

Отец его был не из бедных. Он разъезжал по деревням с корзинкой, полной комочков гура и других сластей из риса или сахара, и бойко торговал своим немудрым товаром. Случалось, какой-нибудь тхакур² нанимал его отвезти на арбе зерно на рынок или на склад к ростовщику. Тем они и кормились. Правда, в хозяйстве было всего три курицы, но отец не унывал.

Потом подрос Ропан. Сыграли свадьбу. В их хижину вошла сноха. Мать Ропана нарадоваться не могла на нее. Но не прошло и месяца после свадьбы, как скончался отец. Без времени состарившаяся мать очень горевала о нем. Единственным ее утешением и опорой остались сын и невестка. Мать передала сыну вола, и все заботы о семье легли на плечи Ропана.

Еще через месяц подох вол. Старуха так убивалась, будто хоронила мужа во второй раз. Вот тогда-то она и обозвала невестку «ходячим несчастьем», а сына «горемыкою».

Со двора вошла жена. Ропан Саху взял у нее из рук хукку и с удовольствием затянулся горьковатым дымом.

Когда подох вол — единственное их достояние, у Ропана было такое чувство, будто на их хижину обрушилась гора. Через полгода жена родила сына. Мать Ропана всю деревню обегала, выпрашивая у соседей займы горстку муки и немного масла, чтобы накормить повкусней роженицу и угостить тех, кто придет навестить ее. Но никто ничего не дал ей, и мать скрепя сердце отправилась к жене тхакура. В ответ на просьбу матери старуха стала отчитывать ее за старые обиды. Конечно, если бы не нужда, мать Ропана тоже б не осталась в долгу. Она обидчикам спуску не давала. Но сегодня ради внука стерпела. Касаясь краем сари обезображенных болезнью ног богатой соседки, мать Ропана униженно кланялась до земли. Жена тхакура будто воды в рот набрала.

¹ Хукка — вид кальяна.

² Тхакур — богатый крестьянин из касты раджпутов.

— Слышишь, хозяйка, у Ропана Саху жена сына принесла! — задорно крикнула с порога своей хижины жена деревенского махара — носильщика паланкина.

— Слышу, не глухая, — проскрипела старуха. — Бог дал, вот пусть он и кормит.

Жена махара не отставала. Мать Ропана так и подмывало сбить спесь с чванливой старухи, но она сдерживала себя. Наконец жена махара, отчаявшись, умолкла, вышла во двор и молча встала около веранды.

— Хозяюшка, — молила мать Ропана со слезами в голосе. — К вашим ногам припадаю — не откажите. Внучка господь послал. Осчастливьте своей милостью невестку.

Как ни просила мать Ропана, старуха была непреклонна.

Жена махара подняла на ноги всю деревню. Люди помогали кто чем мог. Того, что собрали всем миром, хватило, чтобы отметить и шестой день со дня рождения мальчика, и даже двенадцатый. Радостно отплясывая с соседками на двенадцатый день жизни внука, мать Ропана так устала, что боялась хоть на минутку присесть. Думала, так и не встанет. Распродав кое-что из посуды, Ропан Саху еле-еле откупился от злых духов, которые, по поверью, забирают малышей, если их не умилостивить щедрыми подношениями.

Не прошло и года, как Невестушка снова порадовала его сыном. Еще через год в хижине было уже шесть душ — вдвое больше, чем до женитьбы Ропана, а доход остался прежний.

Вот тогда-то как предел желаний и возникло в воображении Ропана существо с большими, в ладонь величиною, ушами и аккуратно загнутыми назад рожками. Тут было о чем подумать. У Бхолы-чамара коза в год два приплода дает, да и не по одному, а сразу по три козленка. Не успеешь и оглянуться, а они уж с мать выросли. Бхола хвастается, что у него не коза, а настоящая Камадхену: и молоком поит и деньги дает.

— А ведь так оно и есть, — размышляет Ропан, неторопливо потягивая хукку. В хукке булькает вода, значит, табак кончился. Но Ропан не выпускает трубку изо рта. Он мысленно подсчитывает. Бхола-чамар — ровесник ему, в хижине же у него только детей одиннадцать душ да от старших сыновей еще семеро внуков — всего восемнадцать человек да сверх того четыре женщины: жена да три невестки — общим числом без малого две дюжины. И никто с голоду не помирает. Ни земли, ни работы — а живут же люди! Ведь не с неба им все валится.

Ропан Саху мучительно думал, как осуществить свою мечту. Мысли в его облысевшей голове ворочались медленно. И всякий раз перед его мысленным взором возникала бородатая Камадхену с крупным, как у коровы, выменем. Наверняка молока дает не меньше двух серов¹. Конечно, коза у Бхолы-чамара старая. Как-то чамар говорил, что она уже восемь раз котилась. Но она и четыре года назад

¹ Сер — мера веса, около 900 г.

выглядела ничуть не моложе. А кроме того, восемь приплодов — это не так уж и много. Где восемь — там и двенадцать будет. А четыре окота — это, считай, дюжина козлят. Он уж давно присматривает себе эту козу, с того самого дня, как жена родила третьего.

Ропан задумчиво потирает рукою лысину... И ведь отдает по дешевке. На базаре такую козу меньше чем за полсотни не купишь. А Бхола отдает за тридцатку. Да и то в рассрочку. Поначалу надо только десятку заплатить.

— «Где козы спят, там боги не ночуют...» — говорит Невестушка. Ну и пусть. Все это глупости, — бормочет под нос Ропан. — Где люди с голоду подыхают, туда боги и не заглядывают. Боги с теми знаются, у кого деньги. Выли бы у меня деньги, чтобы устроить угощение для брахманов, — вот тогда и на мою крышу боги слетелись бы. Невестушка тут не советчик. Баба — она баба и есть: пока не проучишь как полагается, она завсегда норовит сунуть нос куда не надо.

В Ропане заговорило мужское самолюбие. «Лезет тут со своими советами, будто без нее не знают. Дом — мой, и хозяин в нем — я!» — мысленно заключил он с торжеством и тут же решил, что не позднее чем завтра коза Бхолы-чамара будет стоять на привязи у его, Ропана, хижины — нечего больше тянуть!..

Ропан поднял глаза — на него со скорбным видом смотрела жена. Ропан недовольно повел плечами.

— О чем задумался? — подходя к нему, сочувственно спрашивает Невестушка.

Будь что будет, думает Ропан, а без козы тоже не житье.

— Да все о том же, мать Джаггу², — неторопливо говорит Ропан, — козу покупать все-таки придется. Будет у нас коза — может, и заживем по-человечески. Лет шесть-то она еще протянет. А если зараз будет приносить по три козленка, это — самое маленькое — полтора десятка козлят. Целое стадо!

Ропан умолкает, с замиранием сердца ожидая, что скажет жена, но Невестушка молчит.

— У Бхолы не коза, а кормилица, — с завистливым вздохом продолжает Ропан. — Девата³, настоящая девата! Послужила Бхоле, пусть теперь послужит и нам! Купим козу — может, судьба-то и переменится. У Бхолы вон в хижине чуть не две дюжины едоков. Ни земли, ни ремесла — а ничего, живут, ни о чем не тужат! А все почему? Ну ты сама подумай, Кубер⁴, что ли, спрятал свою казну у этого чамара в хижине?

² В индийских семьях не принято называть женщину по имени, к ней обращаются «мать такого-то».

³ Девата — божество.

⁴ Кубер (Кубера) — по индийской мифологии бог богатства, хранитель сказочных сокровищ бога Индры.

— А деньги откуда возьмешь? — горячится жена. — Что же думаешь, Бхола вот так задарма и приведет тебе козу?

— Об этом не беспокойся, — самоуверенно заявляет Ропан. — Коза стоит не меньше полсотни, а Бхола отдает ее за тридцатку! Да и то просит сразу только десять рупий, а остальные — когда будут.

Ишь ты, как разогнался! А за душой и пай¹ дырявой нету. Где ее взять, эту десятку?

— Да... Тут ты, конечно, дело говоришь. — Ропан сокрушенно чешет лысину и, помолчав, с сожалением добавляет: — А не добудем денег — упустим козу!

Вдруг Ропан хлопает себя по лбу:

— Придумал! Ты только послушай, что я придумал, мать Джаггу!

Он радостно причмокивает, словно ребенок, которому дали сладкого.

— Ну, что там у тебя, говори уж.

— Давай продадим медный котел для риса.

— Да ты что, спятил? — Голос жены повышается почти до крика. — Совесть-то у тебя есть? Ты помнишь, как он нам достался, этот самый котел? А теперь — «давай продадим»? Да и сколько тебе дадут за него? От силы шесть-семь рупий. Тебя будто черти разжигают!

— Эх ты! Шесть месяцев и то потерпеть не можешь! — В голосе Ропана звучит отчаяние. — Ведь жили ж раньше без котла — и не год, не два! — а уж шесть-то месяцев как-нибудь проживем! А как только коза окотится, я тебе весь дом посудой уставлю!

Невестушке становится жалко мужа. Да и то сказать — зачем им котел, все равно варить в нем нечего. Видя, что жена колеблется, Ропан жалобно улыбается.

— Мать Джаггу, ведь всего шесть месяцев. А нам с тобой всю жизнь вместе коротать, из одной лоты воду пить.

* * *

Продав кое-какую домашнюю утварь, Ропан Саху торжественно привел козу к своей хижине и привязал ее на самом видном месте. Коза была точь-в-точь такая, какой он видел ее в своих мечтах: с большими, величиною с ладонь ушами, аккуратно загнутыми назад рожками... Младший сынишка вертелся около козы. Он то гладил ей шею, то с опаской, одним пальцем трогал рога.

— Ты что, козы не видал? — прикрикнул на него Ропан Саху. — Как боднет — костей не соберешь!

— Коза воздухом, что ль, сыта будет? — подала голос Невестушка. — Попаси-ка ее на задах. Это ведь не корова. На привязи стоять не любит. Не видишь, как живот-то ей подтянуло. Коза старая да еще не кормлена — где же тут быть молоку?

¹ Пай — до 1957 года мелкая медная монета, $\frac{1}{3}$ пайсы.

С этого дня, не спуская козу с привязи, Ропан Саху пас ее в кустах за околицей. Усталый, возвращался домой поздно вечером. Прошло несколько дней, и Ропан стал каждое утро выгонять козу на задворки без привязи. Бойко топая копытцами, коза выбегала со двора. Вечером она сама находила дорогу домой. Едва она появлялась у двери, жена Ропана выходила из хижины, гладила козу по спине, а в душе у нее радостным перезвоном звучало: «Девата, кормилица!»

Жена и детишки Ропана ухаживали за козой, как за малым ребенком. Младший сын Ропана украдкой подкладывал козе в кормушку куски лепешки. Жена специально для козы готовила пойло. А сам Ропан Саху, кажется, и во сне о ней не забывал.

Наступил месяц агхан¹. Как-то, сидя возле хижины, Ропан Саху грелся на солнышке и неторопливо потягивал хукку.

— Эй, Ропан! — вывел его из задумчивости чей-то голос. Ропан поднял голову и увидел пастуха из соседней деревни. Он тащил козу за уши.

— Ты или привязывай свою бородатую Камадхену, или паси ее сам! Нынче добром прошу! А завтра, если увижу ее в поле, ноги переломаю!

Коза жалобно бляела. Кровь бросилась в лицо Ропану, но он сдержался.

— Ладно, брат, отпусти ее, мы уж последим за ней, — проговорил Ропан.

— А не уследишь, пеняй на себя! — отрезал пастух и, круто повернувшись, ушел.

Ропан подбежал к козе. Он гладил ей уши, приговаривал:

— Недогадели, матушка, ты уж извини! Разве этот пентюх понимает, с кем имеет дело?

Коза была сукотая. Приплод ждали только в ашархе². Однако вся семья уже сейчас готовилась к этому событию, как к большому празднику. Сколько у детей драк из-за этого было!

— Черного козленка я себе возьму! — заявлял старший, Чунну. Он не выпускал из рук красного цветка на черной нитке, чтобы сразу повязать на шею своему козленку, едва тот появится на свет.

— А белый — чур мой! — отвечал ему младший, Мунну.

В ашархе начались дожди. Зазеленели поля и луга. Коза рвалась на молодую травку и не разбирала, выгон ли это или чей-нибудь участок. Утром Ропан Саху гнал козу за околицу. Вечером с раздувшимися боками она сама возвращалась домой.

Но сегодня с козой что-то стряслось: она вернулась раньше обычного. А когда Мунну протянул ей свой кусок лепешки, даже не понюхала его. Встревоженный малыш прибежал в хижину:

— Мам! Коза лепешку не берет!

¹ Агхан, или маргаширш, — один из месяцев индийского календаря, соответствует ноябрю — декабрю.

² Ашарх — месяц, соответствующий июню — июлю.

— Она и так сыта! — спокойно заметил Чунну. — Не лопнуть же ей. Она не такая, как ты, обжора.

Мать звонко расхохоталась, Ропан усмехнулся.

Всю ночь напролет из хлева доносилось надрывное блеяние козы. Ропан Саху тревожно ворочался в постели.

Утром коза не поднялась. Она не жевала жвачку и грустно смотрела на людей. Старшие переполошились. Ропан тотчас же сбегал за Бхолой-чамаром. Бхола осмотрел козу и покачал головой.

— Ты без привязи пускаешь козу?

— Да ведь она, брат, ни у кого и колоска не тронет. Такая умница — настоящая девата. Утром провожу, а вечером она, глядишь, тут как тут.

— Обьелась. А может, и ударил кто, — шмыгнув носом, заключил Бхола. — Вот тебе корешок. Разотри его, разведешь в воде и будешь поить. А уж там что бог даст.

В эту ночь Ропан ни на минуту не сомкнул глаз, он растирал корень и поил теплым настоем козу. Жена и дети помогали ему: Мунну держал козу за рога, Чунну — за уши, а жена, сидя в сторонке, молила богов пощадить их кормилицу.

* * *

Когда, взлетев на изгородь, соседский петух возвестил наступление утра, на хижину Ропана Саху словно опустилась непроглядная ночь.

— Mam, а нынче и риса нету? — спросил Мунну, когда мать сунула ему кусок сухой лепешки.

— Ешь, сынок, ешь. Рис завтра будет.

Мунну захныкал. Мать в сердцах дала ему подзатыльник. Бросив недоеденный кусок, Ропан выскочил из хижины. В углу двора на длинной жерди сушилась козья шкура. Ропан опустился рядом с нею на землю и заплакал. Его домашние испуганно смотрели на него из землянки, но подойти не решались...

На следующее утро соседский петух снова громко прокричал на рассвете, но в хижине Ропана никто не радовался началу нового дня.

Раджендра Ядав

«ПРОКЛИНАЮ!»

— Пора возвращаться. Скоро время вечерней молитвы.

Подобрав выше колен шальвары, Нира стоит бочком на последней ступени каменной лестницы, сбегаящей к Гангу, и, сполоснув одну ногу в воде, сосредоточенно оттирает ею грязь с другой. Легкие волны ласково шлепают о камни. Солнце клонится к закату, и река лениво переливается серебряными блестками. Солнечные блики играют на стройных ногах девушки.

— Подождем немного,— отвечает он рассеянно.

От блеска рябит в глазах. Над водой горделиво возвышается узорчатый железнодорожный мост. А дальше чуть виднеются покрытые голубоватой дымкой остроконечные вершины Гималаев. Воздух словно застыл. В небе резко перекликаются возвращающиеся к гнездовью птицы. Позади слышится невнятный гомон — это двинутся к Гангу толпы паломников, жаждущих спасения души. Приближается время вечерней молитвы, и в ожидании ее Ганг изредка будто вздрагивает, зябко и настороженно.

Опустив ноги в воду, он тоже сидит на последней ступеньке, погруженный в свои мысли, сосредоточенный и молчаливый. Прохладные волны, набегая, ласково гладят кожу, и мысли движутся так же лениво и размеренно.

— Ну, идем?

Нира вытирает концом накидки мокрое лицо и подходит к нему.

— Идем?

Опершись на его руку, Нира усаживается рядом и тоже опускает ноги в воду. Склонив голову ему на плечо, она задумывается. Нира сидит рядом, положив руку на его локоть, а сзади — они всем телом чувствуют это — десятки любопытных глаз бесцеремонно разглядывают их. В другое время он сжался бы под этими взглядами в комок и вздрогнул, как туго натянутая струна от неосторожного прикосновения, но сейчас эти взгляды не задевают его.

Сейчас все его существо переполнено любовью — запретной, греховной и непобедимой. У него такое ощущение, будто они не на многолюдной и шумной набережной в самом центре кишашего богомольцами Хардвара¹, а одни, совсем одни на безлюдном берегу реки и вокруг — ничем не нарушаемое безмолвие.

Красный шар солнца медленно, будто нехотя, уходит с небосвода; кровавые отблески на реке гаснут, и со всех сторон на каменную лестницу надвигается мягкая, влажная темнота.

Рядом неподвижно сидит Нира. Его потянуло к ней с первой же встречи. И сейчас ему кажется, что он знает ее не три дня, а с того времени, как стал помнить себя, и что все эти годы разлуки она неудержимо двигалась к нему, чтобы открыть ему вековую тайну, одарить счастьем.

Нира говорила, что за эти три дня она передумала больше, чем за всю свою жизнь. Думать? Он тоже думает, потому что Нира пробудила его от спячки, растолкала, растормошила, вдохнула силу, и он уже не может вернуться к своему прежнему бездумному существованию. Все, во что он верил, чему поклонялся, — все вдруг стало зыбким и неустойчивым. Нира заставила его взглянуть на себя со стороны, заставила задуматься над жизнью, и он думает, думает глубоко и сосредото-

¹ Хардвар — город в верховьях Ганга, место паломничества.

ченно. До этого дня он вел жизнь бессмысленную и бесцельную, влачил ее, не задумываясь — куда и зачем. И сейчас, когда его мысль пробудилась, когда все существо переполняет радость обретенной цели, ему хочется думать, и думы текут легко и свободно. Жизнь... Сидеть у окна, рассматривать пеструю толпу на гхатах¹ и лица проходящих мимо людей. Все как на рыночной площади. Прямо перед окном — остров, соединенный с гхатами двумя широкими мостами. На острове тоже гхаты, а посреди — башня с часами. В холодный сезон Ганг мелеет и остров соединяется с набережной двумя песчаными косами, между которыми остается неглубокое озерцо. Из окна видно, как уже на подходах к реке паломники, молитвенно сложив руки, сгибаются в низком поклоне, как с трепетом и надеждой входят они в священные воды ее и как осторожно и торжественно приступают к омовению, медленно растирая ладонями все тело, будто это не мутная речная вода, а розовое или сандаловое масло. Омыв тело, паломник обычно погружается в воду с головой. Это делается с такой торжественностью, словно каждое погружение снимает с плеч бремя прожитых лет. Выйдя из реки, каждый старается прихватить с собой про запас полную лоту священной воды.

«Я не верю во все это, пуджари-джи», — сказала ему Нира в первый же день. Ее голос был тверд, и вначале он даже ужаснулся, как могла она сказать такое ему — брахману, жрецу, вся жизнь которого связана с Хардваром. Вся ее фигура выражала смертельную усталость; глаза были сухи, хотя ему казалось, что она с трудом сдерживает рыдания — эта женщина, жаждущая ласки, любви и счастья материнства.

— Пойдемте, пуджари-джи. Наверно, кто-нибудь уже пришел за вами, — еле слышно выдыхает Нира над самым ухом.

Да, конечно, пора идти. Через несколько минут непроглядная тьма опустится на землю, и весь мир, еще недавно такой светлый, полный красок и невыразимого очарования, вдруг станет черным, таинственным и страшным, бросит вызов разуму человека.

Что это — вера? Он никогда не верил в святость того, что творится здесь. Ему становилось смешно при виде человеческой глупости, при виде истощенного паломника, который в надежде на исцеление, посиневший, дрожа от страха и холода, торопливо, раз за разом окунается в мутные волны Ганга или, полный благоговения, опускает на воду свой дар — полную дону² цветов.

Ему становится не по себе, когда он видит, как береговые брахманы, которые роятся здесь, как мухи около меда, всунув в руки паломника хвост дохлого тельца, с самым серьезным видом уверяют человека, что этот атрибут потомства священной коровы поможет тому пере-

¹ Гхаты — каменные ступени, сбегаящие к реке или пруду, место омовения.

² Дона — небольшая плетеная корзина.

плоть воды Вайтарни ¹. Он не может равнодушно наблюдать, как за горсть цветов и скороговоркой произнесенную молитву брахман требует у человека, искренне ищущего спасения души, полторы рупии и делает это с таким видом, будто его невнятное бормотание открывает для заблудшего врата рая! Неужели и там, в раю, если он есть, так же, как и здесь, беззастенчиво обирают простаков? При виде жертвенных костров на берегу Ганга у него невольно возникает мысль, что все эти толстосумы, подрядчики, торговцы, чиновники, не жалея средств и времени, едут сюда с единственной целью — сунуть ваятку, чтобы и в загробной жизни им было обеспечено тепленькое местечко. И в загробной жизни они хотят сохранить за собой и приумножить все те блага, которыми они пользуются здесь. Какая же это высшая справедливость, если она достигается презренной земной взяткой?

Из окна храма он наблюдает, как, усевшись на деревянном возвышении под большими тростниковыми зонтами, брахманы наносят тикку на покорно подставленные лбы паломников и как ловко собирают деньги со всех проходящих мимо, взимая своеобразную аренду за право посидеть на священных берегах Ганга! Эти люди — полновластные хозяева всех мест, куда стекаются бесчисленные толпы богомольцев. Хорошо, что хоть здесь они не назначают, кому сколько платить, а довольствуются добровольными подношениями. В Матхуре ² — он видел это сам — брахман наступал на оробевшего паломника с кулаками: «С тебя, отец, причитаются две рупии!»

Самая работа для них — утром и вечером, когда толпы паломников движутся к Гангу. В остальное время дня они сонно посматривают на редких купальщиков и лениво клюют носами. Сонная одурь слетает с них, едва на ступенях лестницы, ведущей к воде, появляется молодая красивая женщина. При виде такой пери, совершающей омовение, в глазах у них загораются блудливые огоньки. И не только они, эти служители всевышнего, — всякий проходящий мимо мужчина жадными глазами осматривает крепкое тело, разглядывая, как одетая в легкое сари женщина боязливо ступает в реку, отходит на несколько шагов от берега и, испуганно ойкнув, окунается с головой. А когда она выходит на берег, мокрое сари становится прозрачным и, плотно облегая фигуру, подчеркивает каждую ее выпуклость. Иногда даже создается впечатление, что женщина совершенно нагая. Мужчины, тяжело сопя, отворачиваются и глотают слюну. И нередко он спрашивает себя: неужели в этом и есть смысл веры? И неужели женщины идут сюда лишь для того, чтобы чужие, наглые глаза бесцеремонно разглядывали их тело? Тьфу, тьфу!

— Стало совсем темно, пуджари-джи, а толпа прибывает! — Нира легонько трогает его за плечо.

¹ Вайтарни — река в подземном царстве.

² Матхура — город в штате Уттар Прадеш, место паломничества.

Он ничего не отвечает и сидит не двигаясь, немигающими глазами разглядывая золотую россыпь светильников на берегу. На глазах у Ниры дрожат слезы. Он крепко прижимает ее голову к своему плечу. Нира... Какую невысказанную боль хранит эта женщина в своем сердце! Даже часть ее страданий могла бы сломить и крепкого мужчину. Страдальческая улыбка, которая иногда проскальзывает по ее лицу, жжет ему грудь, как раскаленное железо. Эта женщина навсегда вошла в его жизнь, и ему теперь кажется, что он знает ее всю, каждый уголок ее души. Но почему она, не раздумывая, доверилась ему? Неужели она не чувствует, что он может предать ее? О женщина! Ведь он же пуджари, земной подрядчик всевышнего, и щит его — вера, во имя же веры люди идут на все. А тут ее огромное чувство, граничащее с самоотречением...

В тот день, когда Нира впервые переступила порог его обители, в храме не было ни души. Устало опустившись на колени, она коснулась головой порога и горько разрыдалась. Потом вбежала в храм и, закрыв лицо руками, распростерлась перед алтарем.

«Вам сюда нельзя», — мягко сказал он, хотя в душе его почему-то вдруг вспыхнуло острое чувство жалости к этой незнакомой женщине.

Она оставалась на прежнем месте, будто не слышала, и у него не хватило смелости повторить ей еще раз, чтобы она отошла от святилища. Ее глухие рыдания растопили что-то в его душе. У него защипало в носу, и твердый ком подкатился к горлу. Неужели слезы этой женщины могли так растрогать его?

«Почему ты плачешь, сестра? Успокойся и ступай с миром», — проговорил он, прокашлявшись.

Она молчала. Потом подняла к нему залитое слезами лицо.

«Куда же я пойду, пуджари-джи? Скажи, куда мне идти?!»

Ее огромные глаза, кажется, могли видеть насквозь.

«Откуда ты? — спросил он, не двинувшись со своего места у окна. — И что привело тебя сюда?»

Она с трудом поднялась, медленно подошла к окну и опустила на пол рядом.

«Я из округа Мератх».

Он удивленно взглянул на нее.

«Что привело тебя сюда?»

«Хочу вручить себя Гангу, — твердо сказала она, и губы ее дрогнули. — Он поглотил мою душу, пусть же берет и тело».

У его ног сидела женщина лет двадцати с красивым смуглым лицом. Глаза ее покраснели, веки распухли, губы нервно подергивались. На всем ее облике лежала печать страдания и скорби. В его душе затеплился огонек жалости к этому несчастному существу, и это необычное чувство удивило его. Он прикусил губу.

«Твое желание исполнится, сестра», — неожиданно для себя сказал он, глядя на реку и синиеющие вдаль горы, хотя и не знал, о каком желании он говорил в эту минуту.

Она недоуменно посмотрела на него и как-то жалко улыбнулась.

«Я очень несчастна, пуджари-джи».

«В чем же твое несчастье, сестра?» — живо откликнулся он, и тут до его сознания дошел наконец смысл пожелания, которое он выпалил неожиданно для себя. Он поежился и, чтобы скрыть замешательство, пробормотал:

«А как тебя зовут?»

«Нира». Лицо ее посуровело.

«Где же ты остановилась?» — продолжал допрашивать он.

«Нигде, — коротко ответила она и, опустив голову, дрогнувшим голосом добавила: — Бездомная я... Меня выгнали из дому... Избили, как собаку, и выгнали».

«Почему?»

До сих пор он никогда так подолгу не говорил с женщинами, особенно с молодыми. В разговоре с ними он смущался, и потому дело не шло дальше обычных вопросов ритуала; а сейчас у него было такое чувство, будто кто-то совершенно посторонний непринужденно расспрашивает эту женщину его голосом.

«Почему? — переспросила она с глубоким вздохом. — Потому что я женщина, а женщина у нас за все в ответе».

Наступило молчание. Когда она заговорила вновь, ее голос звучал глухо, словно из глубокой пропасти.

«Меня выдали замуж, едва мне минуло пятнадцать. С радостью уходила я в дом мужа. Прошло два года, а ребенка у нас не было. Свекровь молилась реке: «О мать Ганга, первого внука принесу в дар тебе!» Прошло еще два с половиной года, и у меня наконец родился сын... Это было счастье! Он был точно кусочек луны, упавший на землю! Свекровь сказала, что это река принесла нам ребенка. И она потребовала исполнить обет — принести ребенка в дар реке. Мое сердце сжалось от боли. Но что я могла сделать? Однажды мы всей семьей отправились на праздник в Гархмуктешвар. После молитвы муж с ребенком на руках вошел в воду. Какой он был, моя крошка! Светлые волосы, розовенькое тельце!.. Брахман на берегу все громче читал что-то непонятное. «Пора!» — наконец возгласил он. Я дико вскрикнула. Свекровь в ярости накинулась на меня с кулаками. Прикусив конец сари, чтобы не раскричаться, я опустила на землю... Я видела, как он поднял крошку на вытянутой руке...»

Она остановилась, судорожно сдерживая подступавшие к горлу рыдания.

«Когда я очнулась, муж все еще стоял в реке. Голова его была низко опущена, по щекам текли слезы. Ганг перекачивал волны. Брахман пристально вглядывался в воду. Потом он выпрямился и облегченно

вздыхнул. «Не печалься, брат,— сказал он мужу,— ты счастливый: Ганг принял твою жертву. Ну, а теперь мне за труды...» Я не помню, что было дальше. Не помню, как мы вернулись домой. Не помню, что говорил мне муж. Только свекровь была довольна: «Не горюй, дочка, мать Ганга приняла нашу жертву. Теперь всевышний даст нам еще ребенка...» Я молчала... Наверно, в тот самый день я озлобилась на бога и на людей. Это же было убийство, сознательное убийство!.. Я слегла, у меня началась горячка. Только через месяц я встала с постели».

Женщина замолчала и обвела усталым взглядом стены храма. Ее пальцы нервно теребили конец сари.

«Ну вот. А через полтора года у меня опять родился сын. Свекровь опять заговорила, что дала обет. Я заявила ей, что лучше умру, но на этот раз никуда не пойду. В доме не стало житья. Но муж был на моей стороне, и мы никуда не пошли. Наконец согласились на том, что во исполнение обета, как только ребенок подрастет, мы всей семьей совершим паломничество в Аллахабад, Бенарес и другие места. И вот ему исполнилось четыре годика... Это совпало с праздником кумбх в Аллахабаде. Мы отправились туда. Ох, сколько там было народу, пуджари-джи! Ну вот, пришли мы. Потолкались в толпе. Совершили омовение. Хотели уже возвращаться, как вдруг мой Мунна исчез. «Где Мунна?» — «Я отдал его матери». Я разыскала в толпе свекровь, расспросила золовку. Мунна пропал! Все поплыло у меня перед глазами... Когда очнулась, первое, что я увидела,— это лицо мужа. Оно дрожало от ярости: я не уберегла ребенка, я принесла семье несчастье! Ох, как же он бил меня! И прогнал с глаз долой. Как собаку!»

И, упав к его ногам, она снова разрыдалась. Он погладил ее по голове.

«Не плачь, сестра»,— только и мог проговорить он, с трудом сдерживая подступавшие слезы. Несчастливая женщина! За всю жизнь не увидит от людей даже простой ласки!

«Я буду искать его повсюду... на всех берегах Ганга... от Ганготри до океана!» — рыдала она.

— Вставайте, пуджари-джи,— как бы сквозь сон доносится до него голос Ниры.— Смотрите, уже ночь наступила.

Нира ласково трясет его за плечо. Он глубоко вздыхает, пробуждаясь от воспоминаний.

Река, берег — все окутано непроглядной темнотой. На воде крупными светлячками покачиваются, удаляясь, светильники, пущенные руками молящихся. Темная река и мерцающие точки светильников на ее волнах слились с необъятным темным небосводом, усеянным серебряной россыпью звезд.

Ярко вспыхнула гирлянда лампочек над набережной. Золотые отблески заплескали по воде. Протяжное пение, голоса молящихся, крики разносчиков — все сливалось в глухой шум.

Кто-то бежит сюда, шлепая по земле босыми ногами. За ним?

— Нира, сегодня мне не хочется идти на молитву,— тихо, но твердо говорит он прильнувшей к нему женщине, поглаживая ее по плечу.— Простая вода из Ганга, а сколько из-за нее насилия и крови! И я спрашиваю: во имя чего? Неужели Ганг внемлет молитвам и жертвам и во время наводнений не будет больше смывать людей, дома и целые деревни? Нет, Нира, нет!

— Нет, нет, ради меня не делай этого, не говори так! — И она обвила руками его шею.

Хадвар гудел, как потревоженный улей. Известного всему городу пуджари неожиданно коснулось безумие. Очевидцы рассказывали, что во время богослужения он был необычно молчалив и рассеян, а когда ему передали зажженный светильник, руки его дрожали. Он вскочил, швырнул его в Ганг и с диким криком: «Я проклинаю! Проклинаю!» — бросился прочь от священной реки.

Раджендра Ядав

ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ

Придерживая разлетающиеся полы мантии, в комнату стремительно вошел адвокат.

— Причина веселья? Что здесь происходит?

В своей черной мантии он был похож на летучую мышь в полете. Круглые очки в черной оправе и большие оттопыренные уши усиливали это сходство.

Веселье смолкло, и трое сидевших за столом чинно вытянулись в креслах. Трое — это юноши Браддж и Датт и девушка по имени Джоти. Они только что окончили колледж и проходили практику в его конторе.

Джоти с минуту крепилась, но, взглянув мельком в сторону Брадджа, не выдержала и, уронив голову на край стола, звонко расхохоталась. Отвернувшись к стене, будто в лихорадке, трясся всем телом Браддж. Датт, погасив улыбку, сделал серьезное лицо.

— Уже обед? — как ни в чем не бывало спросил он.

— Угу, — кивнул адвокат и, чиркнув спичкой, закурил сигарету.

— Ну как? Победа?

Браддж сделал Джоти уморительную рожу. Датт весело прыснул и выскочил на веранду. Глядя на них, угодливо захихикали два клерка, копавшиеся в бумагах на широкой тахте в углу.

Адвокат сделал глубокою затажку и вопросительно взглянул на коллег:

— В чем все-таки дело? Мне-то вы хоть что-нибудь расскажете?

В ответ последовал новый взрыв веселья. Брэд и Джоти корчились от смеха за столом, Датт хохотал на веранде. Наконец, потеряв терпение, адвокат обратился к делопроизводителю Рамсвару-ру:

— Что же все-таки здесь произошло, уважаемый?

Тот, сосредоточенно листавший какое-то дело, захлопнул папку и скупо улыбнулся:

— Только что приходил Дэви Сахай, господин адвокат...

— Да так и ушел с носом,— перебила его Джоти, вздергивая на лоб очки в золотой оправе и концом сари вытирая выступившие на глазах слезы.

— Какой Дэви Сахай? — Адвокат сдвинул брови, но память ничего не подказала. Он все еще находился под впечатлением только что закончившегося заседания. Когда объявили перерыв, он, потный и злой, выскочил в коридор, где его тотчас же окружили клиенты: «Какой будет приговор, господин адвокат?», «Когда объявят?», «А обвинитель говорил, что...». «Дадите вы мне хоть минуту передохнуть или так и будете приставать со своими дурацкими вопросами?» — оборвал он их. Клиенты испуганно расступились, давая ему дорогу...

— Чай? — выдыхая хлопья сизого табачного дыма, бросил он Датту на веранду.

— Заказан, господин адвокат, сейчас принесут,— торопливо ответил Датт с веранды, вошел и уселся в кресло.

— Это тот самый Дэви Сахай, господин адвокат,— негромко проговорил клерк,— дело которого вы ведете. Иск к фирме Таллумала по поводу жалованья, не уплаченного ему за полгода.

— А-а,— кивнул адвокат и вопросительно взглянул на делопроизводителя.

— Говорит, что деньги очень нужны. Приданое дочери справлять надо,— сказал Датт, переводя взгляд с Джоти на адвоката.— Старшую, мол, пора замуж отдавать. Племянницу там кто-то сватает, так и ей, говорит, на подарок останется. Если, мол, господин адвокат отсудит...

— Отсудит!.. Легко сказать! Господину адвокату из своего кармана выкладывать прикажете? Им бы все без хлопот! Расхлебывайте, господин адвокат, как знаете! — И, затаившись, адвокат сердито выдохнул облако дыма. Двумя пальцами поправил туго накрахмаленный воротничок. Ярко сверкнул глазок бриллианта в массивном перстне.

— Смотрите, он, кажется, снова пришел,— понизив голос, проговорил Брэд.

Не вставая из-за стола, Джоти и Датт глянули в открытую дверь... Адвокат, развалившись в кресле спиной к двери, невозмутимо курил.

Стало тихо.

В конце длинного коридора появился высокий сутулый человек лет пятидесяти. Он робко пробирался среди толпившихся посетителей, отыскивая взглядом нужную дверь.

По коридору деловито сновали люди с подносами, разнося господам судьям и адвокатам чай, фрукты, печенье, легкую закуску. Это были официанты из соседнего отеля и мелкие клерки, на время обеда превращавшиеся в официантов.

Человек не спеша двигался в их сторону. На нем была мятая, будто жеваная, рубаха неопределенного цвета, короткое, едва прикрывавшее колени дхоти. Черные от загара ноги обуты в грубые потрескавшиеся ботинки, не чищенные вероятно, со дня их покупки. Шнурков на ботинках не было, и заскорузлые кожаные языки беспомощно торчали кверху, как хвосты у неуклюжих, только что научившихся ходить щенков. Из глубокого выреза распахнутой, без единой пуговицы рубахи виднелась заросшая волосами узкая грудь. На длинной худой шее безобразным наростом выделялся кадык. От уголков носа к покрытому густой щетиной подбородку пролегли две глубокие складки. На носу у человека были большие круглые очки с одним лопнувшим стеклом. Дужка сломалась, очки были подвязаны к левому уху засаленной ниткой. За стеклами очков под высоким морщинистым лбом с двумя залысинами устало мигали потухшие глаза. В руках у человека была сумка. Его растерянный вид и неуверенные угловатые движения лучше всяких слов говорили, что стоять где-нибудь за верстаком для него более привычное дело, чем таскаться по канцеляриям.

— Входите, пожалуйста, уважаемый, прошу, господин Дэви Сахай,— приветствовал его Браддж, сидевший лицом к двери.

Датт и Джоти, пряча улыбки, старались не смотреть друг на друга и на посетителя.

Бесшумно скользнув в комнату, рассыльный поставил перед сидящими поднос с бутербродами и чаем. Затянувшись в последний раз, адвокат швырнул окурок в угол и стремительно повернулся лицом к двери.

— Входите, уважаемый Дэви Сахай, садитесь, пожалуйста,— пригласил он и, подвигаясь к столу, торопливо принялся за бутерброды. Датт не спеша разлил чай. Все молчали, занятые каждый своим делом.

Посетитель неловко переминался с ноги на ногу у двери — в комнате не осталось ни одного свободного стула, и даже покрытая старым, в чернильных пятнах, ковром широкая тахта была завалена грудой папок, в которых ссосредоточенным видом рылись два клерка. Наконец один из них, чуточку сдвинув папки, освободил краешек тахты.

— Садитесь.— И снова уткнулся в бумаги.

Дэви Сахай осторожно, словно боясь причинить лишнее беспокойство, прислонил к тахте свою палку, потом, попробовав ковер на ощупь, медленно опустился на край тахты. Уложив на коленях сумку и прикрыв ее широкими кистями рук, посетитель выжидательно уставился на адвоката. На левой руке у него не хватало двух пальцев — указательного и мизинца. Дышал он тяжело и с хрипом, будто перед этим одолел высокий подъем.

— А-кх-м,— не глядя на посетителя, кашлянул адвокат.

Не получив ответа, он мельком взглянул на часы и снова принялся торопливо прожевывать бутерброд, запивая его маленькими глотками чая.

Дэви Сахай обвел взглядом всех сидевших за столом.

— Господин адвокат,— негромко начал он,— господин адвокат, когда ж я получу свой заработок?

Посетитель сильно гнусавил.

Практиканты весело переглянулись и поджали губы.

— Уважаемый господин Дэви Сахай,— сдержанно проговорил адвокат,— вы иногда говорите очень неразумные вещи. Как можно рассчитывать на деньги, когда процесс еще не закончен? — И, сделав последний глоток, адвокат взглянул на Джоти, словно ожидая от нее поддержки.

— Господин адвокат хотел бы знать, почему вы на суде не говорите того, что нужно,— глядя куда-то в потолок, вмешался Датт.

Дэви Сахай взглянул на адвоката, словно желая удостовериться, так ли это.

— Да я ведь, господин адвокат,— вы сами это говорили,— дал на этот раз очень хорошие показания.

Он виновато заморгал глазами.

— Да, последний раз показания были такие, как нужно,— глядя в дверь, подтвердил адвокат.

— Пусть меня допросят еще раз, теперь уж я ничего не забуду.

— У вас будет такая возможность.

Адвокат поставил на поднос пустую чашку.

— Пусть допросят еще,— униженно просил Дэви Сахай. Казалось, еще минута — и он повалится адвокату в ноги.— Это будет рез... резолютивное показание.

Трое за столом фыркнули.

— Я повторяю, вы еще будете иметь возможность дать свои «резолютивные» показания,— сухо проговорил адвокат, бросив выразительный взгляд на Баджа.

— Мне ведь очень деньги нужны, господин адвокат, ну прямо позарез. Хозяин каждый день донимает: плати за жилье. Старшую дочку замуж надо выдавать. И племяннице надо на подарок. А тут еще жена уже два месяца больная лежит... Поможете выручить деньги — и у младшей дочки руки покроются свадебным узором...

Трое за столом громко расхохотались. Джоти, захлебнувшись чаем, закашлялась.

— Господин Дэви Сахай, — подал наконец голос делопроизводитель Рамсваруп, — вы бы позаботились и о благодарности господину адвокату. Ведь не должен же он даром трудиться.

— Отблагодарю, обязательно отблагодарю. Все, что причитается, все до пайсы уплачу, — поворачиваясь к делопроизводителю, горячо заверил проситель. — Вы не беспокойтесь.

Делопроизводитель на четвереньках перебрался через завалы папок на тахте и подсел к Дэви Сахаю.

— Да как же нам не беспокоиться, почтенный? Пожалуйте хоть немного наличными.

— Да как же сейчас? Вот уж получу свои деньги...

Проситель недоуменно оглядывал корчившихся от смеха молодых людей, не понимая, чему они смеются. В том, что он говорит, нет ничего смешного.

— Запомни, брат, однако, — доверительно сказал делопроизводитель, — без денег господин адвокат ничего делать не будет.

И он похлопал Дэви Сахая по плечу.

— Господин Рамсваруп, вы дали ход заявлению? — спросил адвокат, разминая сигарету.

Он неторопливо взял сигарету в губы, поднес спичку, с наслаждением затянулся и выпустил клуб дыма.

В комнату робко протиснулись два клиента и, не своя с адвоката испуганных глаз, застыли у двери.

— Пока нет, господин адвокат, — степенно ответил делопроизводитель и повернулся к просителю: — Чтобы мы дали ход заявлению, ты должен внести одну рупию и семь ан¹.

— Рупию и семь ан? Я ведь давал уже! Целых полторы рупии! — возмущенно проговорил проситель, меняясь в лице.

— Что давал прежде, то ушло на мелкие расходы. Вот смотри сюда: семь ан за перепечатку, — и делопроизводитель пошевелил пальцами, будто печатая на машинке, — одна ана за бумагу, рупия за гербовую печать. Вот и все.

Дэви Сахай огляделся в поисках поддержки у окружающих. Адвокат, развалившись в кресле и устремив глаза вверх, где медленно вращался пропеллер фена, пускал изо рта кольца дыма. Трое практикантов не спускали глаз с забавного клиента, так смешно гнусавившего, и весело прыскали при каждом его слове.

Дэви Сахай ощупывал свои карманы.

— Это нужно, чтобы дать ход заявлению, — внушал ему делопроизводитель.

¹ Ана — денежная единица, находившаяся в обращении до 1957 г.; ¹/₁₆ рупии.

Откуда-то из внутреннего тайника проситель бережно извлек перевязанный бечевкой потертый футляр для очков. Все с любопытством следили за его руками, как будто ожидали, что сейчас он, как фокусник в цирке, покажет им что-нибудь интересное, например, вытащит из футляра голубя или живую змею. Дэви Сахай неторопливо развязал бечевку и осторожно открыл футляр. На старом грязно-голубом бархате подкладки лежали старательно сложенные листки, рецепты и несколько рупий бумажками. Старик положил футляр на тахту и, поплевав на пальцы, стал считать свои сбережения. Медленно, сосредоточенно, как сотенные банкноты. Окончив, принялся пересчитывать во второй раз...

— Сейчас в третий раз примется,— вполголоса заметил Датт, обращаясь к Джоти.

— Что, никак не получается? Дайте-ка я вам помогу,— сказал делопроизводитель, отбирая у старика деньги.

— Да, господин Рамсваруп, удержите с него еще полрупии, ведь объяснение придется регистрировать,— напомнил адвокат.

Молчаливый официант бесшумно вошел в комнату и забрал поднос с посудой.

— Но, господин адвокат...— простонал старик, поворачиваясь то к адвокату, то к делопроизводителю.

— Что «господин адвокат»? Нам придется вторично обращаться в суд с вашим заявлением. Без денег дело опять могут положить под сукно. Гоняться за вами прикажете?

— Господин адвокат говорит, что у него нет времени искать вас по городу,— пояснил Брэддж, и трое за столом рассмеялись.

Свернув деньги трубочкой, делопроизводитель сунул их в карман и, щелкнув крышкой опустевшего футляра, передал его владельцу.

— Уважаемый господин Дэви Сахай,— с глубокомысленным видом торжественно возгласил Датт,— эта госпожа (поклон в сторону Джоти) правильно заметила, что вы должны войти в положение господина адвоката. Он трудится для вас и имеет право рассчитывать на известное вознаграждение.

Старик был ошеломлен бесцеремонностью, с какой у него отобрали деньги. Его болезненное лицо пошло глубокими морщинами, он сник и теперь тупо смотрел на Джоти.

Положив острые локти на стол, Джоти подперла рукой щеку и так же молча рассматривала растерянное лицо старика. Она уже не смеялась. Глаза у нее стали строгие и печальные. В них закралась скорбь. Такое сосредоточенное выражение бывает у тех, кто с оживленной улицы вдруг сворачивает на мрачный шмашан, где день и ночь полыхают погребальные костры.

— Госпожа говорит, что вы должны угостить нас. Госпожа предпочитает рыбные блюда,— продолжал Датт.

— Он угостит, обязательно угостит господин помощник.—

подхватил делопроизводитель, прежде чем старик успел открыть рот.— Сначала надо выиграть процесс, а уж потом кушайте на здоровье. Младшая дочка у него мастерица готовить рыбные блюда. Он обязательно устроит угощение для всех. Не так ли, господин Сахай?

— Как знать,— с тем же видом продолжал Датт.— Ведь до сих пор он не угостил нас даже бетелем.

— Видите, господин Дэви Сахай, что говорят ваши защитники? — в тон Датту сказал делопроизводитель.— Не стоит огорчать тех, кто защищает вас... А что у вас в этой сумке? — И он протянул руку к сумке, которую старик держал на коленях.

Дэви Сахай встрепенулся и переложил сумку подальше.

— Ни... ничего...— заикаясь, выговорил он.

— Э, да что ты скаредничаешь? Дай-ка я взгляну,— ослабился делопроизводитель, и не успел старик опомниться, как сумка была у того в руках.

Старик затравленно озирался по сторонам.

— Как господа смогут защищать тебя, если ты скупишься ублажить их? — строго внушал делопроизводитель, развязывая сумку. Он не спеша вынул оттуда грязное полотенце и, повертев в руках, отложил в сторону. У старика задрожали губы. Он рванулся к сумке, но тот спрятал ее за спину и, отстранив старика, не обращая внимания на его молящий взгляд, продолжал извлекать из нее содержимое. На столе появились два флакона с лекарствами, на них уныло желтели длинные языки рецептов. Рядом с флаконами делопроизводитель положил четыре мандарина, три крупных банана и одно яблоко.

— У вас тут полно всякого добра, уважаемый, а вы говорите, что ничего нет,— нагло улыбаясь, проговорил другой клерк. Опершись рукой о косяк двери, он наблюдал за происходящим.

— Э, вы еще не знаете, какой шутник и весельчак этот Дэви Сахай,— с издевкой сказал делопроизводитель.— Правда, ведь весельчак, а, Дэви Сахай?

— Это он нам принес, только отдать не решался,— играя бровями, бросил Брадж.— А?

— Да-да, кушайте на здоровье,— глотая застрявший в горле ком, с трудом проговорил старик. Казалось, еще минута — и он расплещется.

— Кушайте, господа, кушайте. Вас же угощают,— подхватил делопроизводитель и, взяв мандарин, большим пальцем в два приема очистил его от кожуры.

Через минуту практиканты шумно поделили фрукты и с чавканьем принялись уплетать их. Углубившись в какой-то толстый том, адвокат наугад брал со стола мандариновые дольки, приготовленные услуж-

ливой рукой делопроизводителя, и осторожно отправлял их в рот, долго, с наслаждением сосал, всякий раз вытирая носовым платком свои длинные и тонкие пальцы.

Поглощенные этим занятием, адвокат и остальные забыли о клиенте.

Трясущимися руками старик запихал в сумку полотенце, пристроил сверху флаконы, старательно завязал сумку и поставил ее у ног. Еще минуту слезящимися глазами он молча наблюдал, как, сопя и причмокивая, те поедают его фрукты — скромный подарок, припасенный для семьи. Потом он медленно потянулся за палкой и, взяв в руки сумку, встал.

— Так мне идти, господин адвокат? — немного помедлив, дрожащим голосом спросил он.

— Да, да, ступай, — не отрываясь от книги, махнул рукой адвокат. — Не беспокойся. Все будет в порядке. Мы выручим твои деньги. — И он снова уткнулся в книгу.

— Маловато, — вполголоса напутствовал клиента делопроизводитель, показывая старику бумажки по одной рупии. — Ты всем доставил удовольствие, а как же я? Хоть бы пару ан подкинул на табак! — И он бесцеремонно ощущал карманы старика, как это делают в полицейском участке, обыскивая мелкого воришку. Особенно тщательно проверил складку на поясе дхоти, где обычно хранят деньги. Нигде не нашлось ни пайсы.

— Отпустите же его, — брезгливо морщась, проскрипел адвокат.

— Ну, ладно, ступай, — сказал делопроизводитель. — Только не забудь... — И он сделал жест, будто считал деньги.

Волоча ноги, Дэви Сахай вышел из комнаты. Джоти нервно забарабанила по столу. Двое за столом рассмеялись.

— Бывают же такие! — равнодушно бросил адвокат.

Наступило молчание.

— Рагхумал Муннелал! Здесь? — звонко, как молодой петух, на весь коридор прокричал рассыльный, возвещая, что обеденный перерыв кончился.

Адвокат стремительно поднялся и поправил крахмальный воротничок. Ярко блеснул бриллиантовый глазок в массивном перстне. Придерживая полы черной мантии, адвокат летучей мышью промчался по коридору мимо рассыльных, истцов, ответчиков и свидетелей, мимо сутулой фигуры старика у окна.

Проводив глазами развевающуюся мантию адвоката, старик развязал сумку, по одному вынул из нее флаконы и вылил их содержимое на зеленые кусты внизу. Сунув флаконы в сумку, он громко высморкался и, обтерев пальцы о стойку, неуверенными шагами направился к выходу.

ЧЕРНЫЙ ЛИМУЗИН

Голубой особняк, что возвышается в стороне от поселка,— личная собственность господина Капура. Господин Капур в прошлом был крупный чиновник. Ныне он в отставке, и поскольку пост, который занимал он в свое время, считался весьма высоким, то и пенсия, назначенная господину Капуру, тоже весьма солидная. В особняке вместе с господином Капуром живут его жена и дочь Сушма. Есть у него и сын Деваврат, но он уже человек самостоятельный — преподаватель одного из колледжей в Патне. Дни господина Капура после его ухода на пенсию текут размеренно и спокойно. Единственное, что тревожит господина Капура и его супругу,— затянувшееся одиночество их дочери. Но и эта забота — слава всевышнему! — скоро должна свалиться с их плеч, ибо свадьба дочери — вопрос решенный. Подходящего жениха подыскали, о приданом договорились. Другие ради такого жениха и двадцати пяти тысяч не пожалели бы, а им он достался почитай за бесценок: сваты были рады-радешеньки, когда узнали, что в приданое невесте дают десять тысяч. А жених не какая-нибудь деревенщина неотесанная — дипломированный инженер. Нынешним летом ладони Сушмы покроет желтый свадебный узор, который, по обычаю, наносят соком лавзонии, и тогда родители, избавившись от тревог и волнений, обретут наконец покой.

Мать невесты тем временем начала исподволь готовиться к свадьбе. По ее заказу из лучших магазинов города для невесты доставляли золотые украшения, тюки тканей и вороха готовой одежды. Обо всем ведь надо позаботиться заранее; времени-то в обрез, и не увидишь, как пройдут три месяца.

Правда, самому хозяину особняка совсем не нравилось, что в комнатах скапливается столько всякой всячины: все-таки дом, а не склад. И раза два он даже пытался заговорить с женой на эту тему: ты, мать Дебу¹, не знаешь, дескать, какое сейчас время-то плохое...

Но мать Дебу, купаясь в волнах блаженства, не желала внимать его словам.

— Тебе даже среди бела дня всюду воры мерещатся,— каждый раз отвечала она мужу сердито и отворачивалась.

— Да если б только мерещились,— терпеливо внушал ей господин Капур.— А то что ни день, то пять — десять ограблений. Ты посмотри только, что в газетах пишут...

¹ Дебу — уменьшительно-ласкательная форма от Деваврат: в разговорной речи «в» меняется на «б».

— Да хватит тебе нагонять страху! — прерывала его мать Дебу. — Вор — он ведь знает, где можно пожить. А что грабить у нас с тобой?

— Бывает, и за сотню рупий голову проламывают, — не унимался господин Капур.

Но его предупреждения оставались гласом вопиющего в пустыне: приготовления к свадьбе продолжались не ослабевая, и в комнатах скапливалось все больше и больше всякого добра.

Впервые сомнение закралось в душу к ней дня четыре назад. Вечером, после ужина, ровно в половине девятого, господин Капур по давно заведенной привычке вышел прогуляться. Обычно, совершив непродолжительную, на полчаса, прогулку, господин Капур точно в девять — минута в минуту — возвращался домой. В тот вечер как на грех он отправился по тропке, что вела мимо особняка, где жил господин Саксена. Надо сказать, что господин Саксена был уже в преклонном возрасте и страдал чрезмерной старческой болтливостью. Если уж кто попадался ему на глаза, отделиться от словоохотливого старца удавалось не скоро: он хотел выложить собеседнику все, что знал, а запас сведений у него был поистине неисчерпаемый. Завидев почтенного господина Саксену, люди за сто ярдов обходили его стороной, однако господин Капур иногда любил на досуге потолковать со стариком.

До свадьбы было еще далеко, однако Сушма уже жила мечтами о будущем замужестве: она рано ложилась спать, видимо, затем, чтобы в полуночных грезах свидеться наконец со своим суженым. Матери часто приходилось коротать вечер в одиночестве, хотя оставаться одной в пустом доме было немножко страшновато. По несколько раз она подходила к окну и выглядывала на улицу. В тот вечер она тоже, как обычно, подошла к окну и вдруг видит — большой черный лимузин (она и раньше раза два уже замечала, как он проезжал по их улице) неслышно подкатил к их дому, на минуту притормозил у ворот и, набрав скорость, скрылся в темноте. От страха у нее даже в висках застучало. Зачем появилась тут эта машина? Если кто-то приезжал навестить, то почему нешел в дом? Ох, неспроста это! Сердце у нее лихорадочно заколотилось, колени противно задрожали, по спине пробежали мурашки. А тишина, тишина-то вокруг какая! Едва пробило восемь, а все уже отправилось на покой! И каждый закрылся в своем особняке, как в крепости! Говорят, сосед в беде не оставит, а тут, что бы ни случилось: грабить начнут, убивать станут — никто и ухом не поведет! Кричи не кричи — помощи все равно не дождешься!

Как она проклинала себя в эту минуту — в пору головой биться о стену. Ведь сколько говорил ей муж, сколько убеждал!..

Господин Капур вопреки правилам вернулся домой в десятом часу. Мысль о грабителях к этому времени уже накрепко засела в голове

у матери Дебу, и он сразу заметил, что с женой творится что-то неладное.

— Ты чем-то озабочена? — спросил он ласково. — Что-нибудь случилось?

— Нет, нет, ничего, — отвечала она. — Возможно, мне показалось... И говорить неудобно... Только сегодня я уже третий раз видела у наших ворот машину.

Господин Капур схватился за голову:

— Но ведь говорил я тебе, говорил! Все как о стену горох: сама умнее всех!.. Вот и дождались, ох, дождались! А на помощь ни один сукин сын не придет, да что помощь — за порог своего дома не ступит... А чтобы не слышать — одеяло на уши... И придурчат тут нас с тобой, как котят. Змея — ей ведь что: ужалит всякого, кто подвернется. Кому чужая жизнь дороже своей? Эх, уж эти соседи! Какой от них толк? Пожрать да попить за твоим столом — на это они горазды. Пригласишь на обед одного — вваливаются десятеро!.. Проклятый лимузин! Убила ты меня, мать Дебу, без ножа зарезала!.. Сколько хоть человек было в лимузине, ты заметила?.. Что это были за люди и чего от них ждать? Плеснут по углам керосинчиком да запалят — спросонья и выбраться не успеешь. А ведь сколько я говорил тебе, чтоб не стаскивала в дом все это барахло. Ты и слышать не хотела! Куда там: свихнулся, дескать, старый, совсем заговариваться стал. «Среди бела дня воры мерещатся!» А теперь вот поумничай! Словом, готовь угощение, жди гостей!..

Размахивая руками, господин Капур все говорил и говорил, а мать Дебу ни жива ни мертва, низко опустив голову, стояла в уголке, будто каменное изваяние, и молча слушала. Она боялась поднять глаза и взглянуть на мужа.

Наконец, выговорившись, господин Капур перешел к главному — как сохранить жизнь и собственность. На соседей рассчитывать бессмысленно: каждому своя шкура дорога. Что же в таком случае предпринять? В первую очередь — сообщить в полицию. Конечно, полиция — это тоже не бог весть что: такой тупой и бездеятельной полиции во всем мире не сыскать! Их бы, дармоедов, всех поганой метлой гнать! Горазды только жрать — за один присест каждый может полтора сера риса умять, а дела от них и на тола¹ не дождешься.

Но как бы там ни было, полиция есть полиция. Для чего в конце концов она существует? Для того, чтобы охранять покой граждан! Тогда почему же не сообщить туда?.. Защитить его жизнь и собственность — это их святая обязанность. А ко всему прочему начальник полиции доводится родственником деду свояка его лучшего друга — тхакура Сарабджита Синха. Хотя бы поэтому полиция не оставит это заявление без внимания.

¹ Тола — мера веса, около 12 г.

Однако было уже двенадцать, по небу плыли темные тучи, начинал накрапывать мелкий дождь, и где-то вдали изредка сверкала молния. Выходить из дому в такое время было небезопасно, а до полицейского участка путь не близкий. К тому же, явись он среди ночи в полицейский участок — придется кого-то будить, причинять беспокойство, а господин Капур по собственному опыту знал, как это неприятно — покидать в полночь теплую постель! Говорят, что, когда на соседнюю деревню напала вооруженная банда, а в руках у каждого не палки — ружья и даже автоматы были, дежурные, совсем еще новичок в полиции — имени его уже никто не помнил, — с перепугу бросился будить начальника участка. Начальника еле растолкали, но прежде чем дежурный успел раскрыть рот, тот так съездил его по физиономии, что у парня кровь брызнула из носу.

Словом, как бы там ни было, а ночь придется переждать, и господин Капур до утра ни на минуту не сомкнул глаз, чутко вслушиваясь в ночную тишину. Малейший шорох — и сердце у него готово было выскочить из груди. Бросит взгляд на темный проем окна — за стеклом мерещатся черные фигуры грабителей. Да и как тут не бояться! За последние две недели произошло девять ограблений, и все потерпевшие — близкие знакомые их семьи. У дочки Приянатха средь бела дня сорвали с шеи дорогое ожерелье, у господина Сатхендры стащили сейф, а Рамапрадада очистили до нитки: остался бедняга в чем был, а на носу холода.

Когда наконец наступило утро и господин Капур с трудом поднялся с постели, на лице у него отчетливо проступала густая сеть морщин, будто паук за ночь выткал паутину. Весь разбитый и хмурый, он наспех умылся, торопливо выпил чашку чая — в спешке даже язык обжег, — и, не медля ни минуты, отправился в полицейский участок. Не сегодня-завтра жди непрошенных гостей, сидеть сложа руки некогда!

Начальник полицейского участка тотчас принял господина Капура, который, случайно обронив на стол пятирупиевую бумажку — тут и десятку обронить не жалко, — обстоятельно изложил суть дела. Затем господин Капур встретился с инспектором и поставил его в известность о таинственном лимузине, подчеркнув серьезность сложившейся ситуации. В заключение господин Капур прошел к старшему полицейскому офицеру и со слезами на глазах стал жаловаться ему:

— И в старости никакого покоя, хузур... Не поможете — прикончат ни за гроб!

Старший полицейский офицер — совсем молодой и неопытный человек, еще не успевший, как видно, проникнуться духом своего учреждения, — искренне посочувствовал несчастному старику: не тревожьтесь, мол, мы сделаем все зависящее от нас, ведь защищать

жизнь и собственность граждан — наш прямой долг, и, вызвав помощника, приказал ему отрядить на неделю группу вооруженных полицейских для охраны особняка почтенного гражданина, которому угрожает опасность.

Перед закатом солнца охрана прибыла на место, и полицейские с винтовками заняли исходные позиции, готовые сокрушить любых грабителей, если те посмеют сунуться; появившись сейчас черный лимузин — и на него обрушится свинцовый град. Казалось, сам воздух был насыщен электричеством. Соседи, особенно те, что из числа слабонервных, сидели за плотно закрытыми ставнями, заткнув уши ватой и держась за сердце. Кто знает, что ждет их, если — не дай бог — нагрянут бандиты? Начнется перестрелка, засвистят пули — так что уж лучше от греха подальше.

Однако в эту ночь черный лимузин не появился. Полицейские были явно разочарованы. Не появился он и на следующую ночь. Полицейские стали роптать.

Семь суток сидели они в засаде и от нечего делать играли в кости, а проклятый лимузин будто сквозь землю провалился. И, конечно, все эти дни господин Капур и его жена заботились, как могли, об их питании и размещении.

На восьмой день засада была снята, полицейские возвратились в участок, и вместе с их уходом в сердце господина Капура вновь поселились тревога и панический страх. Что он чувствовал в эти часы, передать невозможно. За эти дни в волосах заблестело серебро, а залысины, как просеки в густом лесу, предательски продвинулись к затылку. Глаза утратили прежний молодой блеск. Да и как тут было не поседеть, когда на голову того и гляди обрушится беда. Засада снята, и стоит грабителям лишь проныхать об этом — с минуты на минуту жди гостей...

Господин Капур телеграммой вызвал из Патны сына.

В последующие два дня в соседнем квартале не осталось ни одного камня, ни одного обломка кирпича, которые прежде в изобилии валялись на улице: все камни и битый кирпич перекочевали в особняк господина Капура. Ими была забита вся прихожая. Господин Капур привел в порядок и специально наточил все имевшееся в доме холодное оружие: ножи, серпы, секачи, топоры. В молодости у господина Капура был стилет, искусно спрятанный в трости. Конечно, за прошедшие годы стилет покрылся ржавчиной, однако это было грозное оружие, и господин Капур потратил полдня, чтобы привести стилет в боевую готовность — оттереть покрывавший его слой ржавчины и сделать острым как бритва. Запас оружия пополнили также стальные прутья, оставшиеся после постройки дома.

Накрепко забаррикадировали все окна и двери, и каждый обитатель дома занимал боевой пост — у окна или у входной двери, имея перед собою определенный сектор обзора. Словом, особняк за эти дни был превращен в неприступную крепость.

Теперь у него немного отлегло от сердца, появилась даже какая-то надежда: ведь человеку в конце концов следует прежде всего рассчитывать на собственные силы. Просто так им не удастся отнять у него жизнь.

Солнце клонилось к закату. Природа и ее обитатели — все вокруг хранило безмолвие. Слышно было лишь гулкое биение сердец у тех, кто находился в особняке: их сердца грохотали, как литавры накануне решающего сражения. У господина Капура было предчувствие, что грабителей надо ждать именно сегодня, поскольку им уже, конечно, известно, что засада снята и дом остался без охраны...

И вдруг — уж не сон ли это? — засевшие в крепости видят: из-за угла выезжает длинный черный лимузин и, медленно подкатив к крыльцу, плавно притормаживает. В особняке лихорадочно хватаются за оружие.

Дверца лимузина распаивается, и из машины вылезает непомерно длинный, изможденный человек. Ух, какой страшный — не иначе вожак! Правая рука — в кармане брюк. Несомненно — пистолет! От страха у всех во рту пересохло. Что же теперь будет? Втянув головы в плечи, все замирают в ожидании.

Приблизившись к воротам, незнакомец вынимает из кармана... карандаш. Равнодушно скользнув взглядом по окнам, он принимается срисовывать в блокнот затейливый узор на арке.

Раджендра Ядав

ЧУДО

Сразу же за городской окраиной начинается рабочий поселок. Здесь ютятся трудовой люд: грузчики, горшечники, рабочие с мелких мануфактур, железнодорожные кули. Поселок живет своей особой жизнью, и его суетливых оборванных обитателей легко отличить от степенных, прилично одетых горожан. Этот поселок — своеобразное преддверие городка. Большинство населения поселка составляют правверные хинду, поэтому на его облике лежит печать индуистской рутины: посреди поселка возвышается остроконечный шиваистский храм, построенный каким-то престарелым раджу-меценатом. Пуджари, брахман — служитель храма содержится на средства жителей поселка, которые за спасение своих душ выплачивают ему натурой: мукой, рисом, маслом, специями. Пуджари по целым дням только тем и занимается, что спит, курит гашиш или, натянувшись бхангу¹, что-то невнятно бормочет и сосредоточенно дергает торчащие из носу волосы. Спит пуджари с широко раскрытым ртом, откуда, как

¹ Бханг — наркотический напиток, приготовляемый из индийской конопли (гашиша).

закушенная морковка, торчит мясистый язык, а из уголков губ, жирно поблескивая, обильно сочится тягучая слюна. Глаза у пуджари всегда гноятся, а из-под короткой грязной рубахи-безрукавки выпирает сальное брюшко. Его любимое занятие — спать. Он так бы и спал весь день напролет, если бы не утреннее молебствие: по утрам ему поневоле приходится вставать и, торопливо бормоча молитвы, воздевать гирлянду из живых цветов на каменное изваяние божества, потому что каждое утро перед началом работы в храм спешат жители поселка, чтобы испросить у божества благословение на удачный исход дневных дел. Вечером храм обычно пустует: завершив дневные дела, трудовой люд предпочитает бханг или дару¹ очищению души.

Так и жил этот поселок своей шумливой, суматошной жизнью, отделенный от города невидимой, но крепкой стеной имущественного различия и вековых предрассудков.

Но вот однажды утром, еще до восхода солнца, возвращаясь из лесу, Санта-грузчик увидел необычную картину: в этот ранний час пуджари находился не в храме, как обычно, а сидел неподалеку от него и, вперив глаза в землю, громко читал какую-то молитву. Одолеваемый любопытством, Санта подошел поближе — и остановился пораженный: прямо у ног пуджари из земли бил родничок — плотная струйка воды толщиною в палец, прихотливо извиваясь, бойким ручейком убегала налево, пока не исчезала в песке, а в протяжной молитве пуджари то и дело слышались слова: Ганга, Ганготри, Бхагиратхи².

Перепуганный Санта со всех ног бросился к поселку. В несколько минут весь поселок с быстротой лесного пожара облетела новость, что около храма, приняв вид родника, людям из земли явилась мать Ганга! Жители кучками потянулись к храму: никто не поверил старому трепачу Санте, всем хотелось взглянуть собственными глазами. Придя к храму, люди убеждались: да, действительно, по земле, бойко цеглая, течет ручеек; струйка воды, в мягком журчании вырываясь из земли, стала уже толщиной почти в два пальца, а пуджари, молитвенно сложив руки, истово отвечает родничку низкие поклоны. У людей от умиления увлажнились глаза. Все стояли в благоговейном молчании, поднеся ко лбу сложенные лодочкой руки. Одни застыли в низком поклоне, другие, распростершись на земле, пали ниц.

¹ Дару — спиртной напиток, изготавливаемый из лепестков дерева магуа.

² Ганга (или Ганг) — полноводная река Индии, которая на всем протяжении считается у индусов священной. Ганготри — название того места течения реки в Гималаях, когда река низвергается с горных круч. Бхагиратхи — один из рукавов Ганги в Бенгалии.

Когда, осмелев, кое-кто потянулся зачерпнуть святой водицы, пуджари сурово взглянул на них и торжественно произнес:

— Тронутый вашей чистой верой и нашими неустанными молитвами, всевышний явил вам чудо: перед вашими глазами струится родник священной воды, что течет в берегах матери Ганги. И касаться ее, не возложив к стопам всевышнего щедрый дар, — значит совершать святотатство. Разгневанный, он может обрушить на вас огненные стрелы возмездия. Не гневите всевышнего. Ступайте домой и приготовьте дары: дар щедрый — свидетель крепости веры. Потом, возвратясь, сложите дары у святого родничка и падите ниц перед лицом всевышнего.

И на глазах у толпы пуджари распростерся во всю длину своего тщедушного тела прямо в грязь перед источником и благоговейно коснулся губами прозрачной струи ручейка. Затем, поднявшись, он торжественно зачерпнул горсть воды и смочил свои гноящиеся глаза.

Люди торопливо расходились, и скоро перед пуджари появились первые дары. Раньше всех, запыхавшись, возвратился Кисна-пастух. Он принес полную лоту свежего молока. Приняв сосуд, пуджари плеснул немного молока в ручеек, остальное приказал отнести в храм. Получив благословение, Кисна трепетной рукою коснулся заветного источника: осторожно промыл глаза, плеснул на лицо, смочил голову и, получив таким образом милостью всевышнего отпущение всех своих грехов, в заключение набрал воды в склянку — для своего тяжело больного отца.

Предвкушая поживу, расторопный Санта приволок из дому целую корзину фруктов и открыл бойкую торговлю, освобождая людей от необходимости возвращаться домой за дарами: ведь известно, что самое лучшее подношение божеству — фрукты, а здесь всего лишь за одну пайсу можно было сразу приобрести готовый дар — целую пригоршню фруктов прямо на тарелочке из жестких листьев. Люди складывали свои дары к ногам пуджари. Струя воды, ливавшаяся изпод земли, становилась все более упругой.

Привлеченный шумом торговли, пуджари поднял глаза на Санту.

— Как! Торговать в святом месте? — негодуяще задребезжал его тенорок. — Да знаешь ли ты, негодяй, что ждет тебя за это? Подохнешь, как собака! Всей твоей семье мучиться в аду!

Покупатели испуганно попятились от корзины, а Санта с округлившимися от страха глазами упал на колени:

— Не проклинай, владыка! Половину корзины жертвую тебе!

Пуджари молча кивнул головой.

А толпа все прибывала. Куча даров росла. Сначала несли корзинки с фруктами, тарелки, полные сладостей, подносы с вареным рисом. Потом пошли серебряные украшения, шерстяные накидки, ткани. Видя такое обилие даров, пуджари отрядил своего «любимого ученика» (а точнее закадычного дружка — любителя гашиша и вы-

пивки) Дургу Мисара перетаскивать подношения в храм, чтобы их вид не соблазнял любителей поживиться за чужой счет. В толпе тотчас же отыскалось несколько добровольных помощников. Скоро у источника остались только гирлянды живых цветов.

Чутьочку поодаль на пути ручейка сделали запруду и вырыли ямку, куда стекалась вода из источника. Те, кто принес дары, здесь умывались, пили святую воду, набирали ее в склянки и флаконы и обменивались впечатлениями, восторженно прищелкивая языком:

— Ах, какая чистая вода!

— И какая вкусная!

— Это все плоды стараний нашего пуджари-джи!

— Да, да, конечно! Если бы не он, разве б мать Ганга явилась у храма? Слышал ли кто о таком чуде в наше проклятое время?

— Теперь безбожникам навсегда заткнули рот!

Слыша эти разговоры, пуджари гордо выпячивал свою узкую грудь.

Скоро ребятишки разнесли новость далеко за пределы поселка. Ведя малыша за руку или усадив его на бедро, к источнику сперва поодиночке, потом целыми стайками потянулись женщины из города.

Толпа росла.

Захватив изрядный запас благовонных сандаловых палочек и другого ходового товара, что требуется при торжественном богослужении, у источника раскинул свою лавку Бхола-торговец.

К девяти часам вода хлестала из земли мощной струей. Солнце стало припекать, и чьи-то заботливые руки водрузили над головой пуджари большой камышовый зонт. А толпа все прибывала.

Гхура-плотник, обливаясь потом, привез полную тележку глиняных плошек-светильников, по дешевке скупленных у торговцев на городском рынке. Заодно Гхура прихватил с собой и продавца мороженого, соблазнив его большой выручкой.

В белой шерстяной накидке, с гирляндой живых цветов на шее и желтым знаком, нанесенным сандаловым маслом на лбу, пуджари казался живым воплощением святости. Величественно восседая посреди толпы, он торжественно оделял присутствующих сладостями — дарами всевышнего. Почтительно коснувшись его ног, люди с благоговением принимали сладости и здесь же оставляли свои скромные дары.

К полудню новость разнеслась уже по всем окружающим деревням. Все в поселке по-праздничному преобразилось: все улицы, как во время осенней ярмарки, были полны нарядно одетыми людьми. А толпа все росла и росла. Площадь у источника волновалась морем человеческих голов.

— Мороженое! Мороженое! Сливочное! Молочное! — слышалось со всех сторон. По краям площади на все лады расхваливали свой товар продавцы игрушек.

Сюда спешили бедняки со всего города, надеясь вымолить у всевышнего лучшей доли; сюда, больше из любопытства, степенно двигались зажиточные горожане; на собственных тонгах¹ подъезжали местные богачи. И, собственными глазами увидев чудо, все оставались на площади перед храмом. Среди толпы бродили бесчисленные лоточники, соблазняя малышей переливчатыми свистульками, хлопушками и яркими куклами. Всюду — небывалое оживление, радостный шум, веселый гомон праздничной толпы; всюду только и разговоров, что о содеянном всевышним чуде. У крайнего дома, натянув на стену белое полотно, пристроилась кинопередвижка — для ребятшек новое развлечение: только смотри не ленись забавных клоунов да парад гвардейцев в Лондоне. Крутятся колесики чудесного ящика — мелькают лица, машины, дома!

С дальних улиц городка люди спешили сюда на тонгах, поэтому ближайšie к площади переулки были забиты ими, как во время осенней ярмарки.

Пуджари, истекая потом, по-прежнему торжественно восседал у источника. Для денежных пожертвований у его ног стояла вместительная лота. Когда лота наполнялась до краев, пуджари дедал знак Дурга Мисару, и тот, украсив сосуд цветами, отодвигал его в сторону, а на его место выставлял порожний. Под грудой цветов у ног пуджари, как видно, не одна такая лота была похоронена от постороннего глаза. Помогая пуджари, принимая дары, переправляя их в храм и не успевая отбиваться от ожесточенно наседавших богомольцев, Дурга Мисар совсем сбился с ног. В духоте и толчее на площади он не успевал даже отереть пот с лица. На помощь пуджари поспешило сразу несколько местных брахманов. Усевшись рядом слева от пуджари, они наносили сандаловым маслом тикку — священный знак благоденствия — на лоб каждому подходившему богомольцу. Перебивая друг друга, брахманы уверяли всех, что как только мать Ганга примет свой истинный вид, прямо над источником будет воздвигнут каменный алтарь.

Люди, толпившиеся здесь с раннего утра, уже проголодались и нарасхват раскупали с лотков пирожки с начинкой, жареный горох, орехи и специи.

Постепенно сюда стекались лоточники и мелкие лавочники со всего города. По обочинам площади и в прилегающих переулках раскинулись целые торговые ряды.

К четырем часам на площадь прибыла бродячая труппа. Появление танцоров внесло новую волну оживления. Тотчас же на краю площади начали готовить место для шамияны².

¹ Тонга — двухколесная коляска с четырьмя сиденьями, по два спереди и сзади.

² Шамияна — большой полотняный шатер.

Крупные лавочники тоже, нагрузив повозки товаром, вместе со своими навесами, палатками, зонтами и циновками потянулись к поселку.

Для обеспечения порядка, маршируя по-военному, из городка прибывали группы добровольцев, вооруженных длинными бамбуковыми палками.

Площадь являла собой красочное зрелище: на фоне белых рубах и дхоти мужчин яркими красками горели цветные сари женщин. Люди рассказывали друг другу разные истории, пели, смеялись, закусывали, развлекались.

Источник уже выбрасывал струю толщиной в человеческую руку. Площадь радостно гудела.

— Слава всевышнему! Слава матери Ганге! — неслись отовсюду дружные возгласы. У самого источника люди так сгрудились, что яблоку негде было упасть. Однако новые толпы богомольцев все подходили и подходили.

К пяти часам усилиями добровольцев на площади был водворен какой-то порядок. Появившиеся откуда-то громкоговорители хриплыми звуками команд покрывали разноголосый гомон толпы. На площади собралось уже тысяч двадцать.

С трудом протискиваясь среди толпы, к храму пробирались четверо в замасленной одежде, дружно толкая перед собой ручную тележку, нагруженную лопатами, ломами, кирками и другим инструментом. Впереди, сердито расталкивая толпу, двигался одетый по-европейски мужчина. Люди нехотя уступали дорогу. Наконец почти у самого храма тележка уперлась в плотный частокол ног.

— Куда вас несет со своей тележкой? — яростно завопили потревоженные толчками богомольцы. — Тут яблоку негде упасть, а они тут с тележкой!

— А ну убирайтесь, пока целы! — дружно гаркнуло несколько голосов.

— Что это тут за балаган? — потный и злой, прокричал мужчина в европейском. — На линии трубу прорвало, вся линия без воды осталась — а они толпятся, как бараны! А ну очищай дорогу! Ремонтировать будем!

У крикунов из толпы от удивления глаза полезли на лоб. Одурело оставившись друг на друга, они так и застыли с широко раскрытыми ртами.

А вокруг по-прежнему звучали мелодии благодарственных гимнов, по-прежнему радостно гудела толпа:

— Слава всевышнему! Слава!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Б. Сахни.</i> Гнев всевышнего	3
<i>Б. Сахни.</i> Новый дом	15
<i>Ш. Синх.</i> Заклинатель змей	25
<i>Ш. Синх.</i> Бородатая Камадхену	32
<i>Р. Ядав.</i> «Проклинаю!»	38
<i>Р. Ядав.</i> Обеденный перерыв	45
<i>Амритрай.</i> Черный лимузин	53
<i>Р. Ядав.</i> Чудо	58

ЗАКЛИНАТЕЛЬ ЗМЕИ

Рассказы индийских писателей

Редактор Ю. С. Новиков

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 05.01.85. Подписано к печати 22.02.85. А 04270.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Учетно-изд. л. 4,21.
Усл.-кр. отт. 2,98. Тираж 85 000. Изд. № 783. Зак. № 17.
Цена 40 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ—НАПРОКАТ!

Баяны, гармони, пианино,
аккордеоны на любой срок
предлагают салоны и
пункты проката.

При долгосрочном прокате
музыкальных инструментов
предоставляется скидка.

Росбытреклама